

Индия. Моё первое пришествие пол века назад

Жанр произведения: Историческое

Произведение написал автор BookBox Игорь Станович (Ильин)

Ссылка на публикацию

1968 год. Отца отправили в командировку в замечательную и загадочную (так казалось, наверное, всем детям Советского Союза) восточную страну Индию. Тогда изначально работать за границей принято было посылать на два года. Однако, как это обычно и случалось с ценными работниками, отцу командировку продлили ещё на второй такой же срок. Всё это время я безвылазно проводил в тропиках, отчего жутко расстраивался, ибо мне казалось, что все нормальные дети живут в лучшей стране на планете Земля – СССР. Стране, построившей развитой социализм, а там и до коммунизма рукой подать. А я торчу тут, по шутливым словам отца, «как забытая клизма» в стране третьего мира, то есть развивающейся. Или как ещё говорили – неприсоединившейся. Что имеем, то не ценим. Только позже я осознал, насколько мне везло. И что мама-Индия станет мне вторым домом на долгие двадцать два года в общей сложности.

Папа был определён в делийское отделение АПН (Агентство печати новости), что располагалось в столице страны - городе Дели, по улице Баракамба роад, дом двадцать пять. На довольно большую должность. Служил он, не помню уже каким по счёту, кажется третьим, заместителем посла по пропагандистской части. Это предполагало статус дипломата, что подтверждалось синим паспортом. Начальником конкретно информационного отдела АПН был приятный дядечка по фамилии Владимиров. А папа работал его первым заместителем. В дополнение к паспорту полагался индивидуальный транспорт с водителем индийской национальности. Как сейчас помню, он был одноглазым, что в СССР бы никак не прокатило, ибо налицо явная профнепригодность. Но в Индии такое вполне допустимо. Шофёр являлся сикхом по вероисповеданию, а русские люди очень уважали сикхов. Если проводить аналогию с нашей Родиной, то сикхи - это такие индийские казаки, отчасти вольные и слегка воинственные. Вот и оставили его на должности после аварии, в которой он потерял глаз. Авария случилась не по его вине. Разве что не допускали к перевозке детей в школу, которая находилась в посольском городке на другом конце города. Недалеко от нашей улицы располагался корпункт ТАСС. Сотрудники его часто бывали у нас в гостях и дружили с апеэновцами семьями. Но во время отмечания праздника Холи (когда всех обливают и посыпают красками) становились главными врагами и объектом яростных атак. За забором жил известный стоматолог, приверженец полуфашистской партии Джанасанг, что советским служащим не мешало лечить у него зубы, так как доктором он был замечательным. Но однажды дантист-таки поплатился за соседство с победителями во Второй мировой войне. Это случилось во время отмечания Дивали, ещё одного экзотического праздника Индии, пожалуй, одного из самых почитаемых наравне с Холи. Во время торжеств вся страна с наступлением темноты начинает

тоннами утилизировать пиротехнику. Наши, как и положено людям, уважающим обычаи страны пребывания, тоже запалили фейерверки, запустили в небо ракеты и салюты. Одна из них вильнула и изменила траекторию. Конечно же случайно. Шутиха скрылась за забором доктора. А через полминуты там так шарахнуло, что в нашем доме загремели стёкла, а с деревьев посыпались сухие листья и зашумели сонные макаки. Потом выяснилось, что запасливый фашистский дантист прикупил по случаю огромный арсенал, праздник-то длится несколько дней. И сложил всё это в каменную хозяйственную постройку, стёкол в окнах которой не было предусмотрено. Только решётка от обезьян. Именно в такое окошко и залетел посланный с советской территории заряд. Запасы взрывчатки сдетонировали, и это, вкупе с окружающей канонадой, напомнило нашим людям Сталинград. В те годы многие взрослые ещё помнили войну. А на нашей территории нашли упомянутую решётку. Вообще ежегодные отмечания этого торжества уносят по всей стране не одну сотню жизней. А уж сколько пожаров случается, статистики даже не ведётся. Пресса упоминает только о самых крупных, с жертвами и разрушениями.

Рядом с дантистом, но непосредственно возле проезжей части улицы (доктор жил немного в глубине от неё) находился китайский ресторан с настоящими китайцами, коих в Индии не так много встречалось в те времена. Нам повезло. Они стряпали такую восточную вкуснотищу, что более подобного я не едал уже никогда в жизни. Мы периодически хаживали туда на ужин. Но чаще заказывали, чтобы нам принесли на территорию. Тут располагался очень удобный кантин, то есть буфет, прямо на улице возле офисного здания, где было приятно провести время за тарелочкой китайских вкусностей. Кстати, не только китайских, но и вообще азиатских, в том числе и японских. Меня просто трясло от супа из акульих плавников. Обычно родители брали на меня две-три порции, так как пиалочки были небольшие и советскому ребёнку на один зубок. К тому же я приехал из Иркутска с жутким недостатком веса, практически прозрачный и аж синеватый на вид, так как на сибирских харчах, да ещё после туберкулёза бронхов, который я перенёс в годовалом возрасте, сильно не нагуляешь килограммы. Я был весьма нездоровым ребёнком до приезда в Дели. Вот меня и откармливали. Зато потом… после Индии…

Ресторан делал на нашем корпункте конкретную прибыль. Кроме повседневной еды, все званые и не очень обеды, заказывались именно там. На территории у нас имелось помещение, оформленное под различные культурные традиции народов мира. Оно служило залом для приёмов и задействовалось во время визитов больших и почётных гостей. Туда всё это приносилось из-за забора. Прибывал обслуживающий персонал. Те красиво раскладывали еду на специальном пандусе. А гости и хозяева рассаживались на подушечках на полу.

Было очень уютно. Однако имелся и вполне классический банкетный зал со стульями и столами, я уже не говорю о киноконцертном зальчике человек на триста-триста пятьдесят. Таким образом, корпункт служил площадкой, куда приглашали гостей со всего света, которые посещали Индию и хорошо относились к Советскому союзу, будучи не прочь заглянуть в гости к людям, стоящим в авангарде борьбы за мир. Отец, то ли по иркутской привычке, то ли это входило в его должностные обязанности, а может, просто ему было это по кайфу, взял на себя нелёгкую ношу массовика-затейника именитых гостей, возился с ними. Артистам устраивал гримёрки в нашей квартире и уборные комнаты, так как она соседствовала с запасным выходом из кинозала. Все посещающие Индию советские гастролёры проходили через папины руки. Люди попадались от известных до великих. Например, Юрий Сенкевич (не помню, привозил ли он нам на смотрины Тура Хейердала, кажется, да) был для папы просто Юрий, он был помладше него и к тому же они уже познакомились в Иркутске, выпивали в одной журналисткой тусовке. А также я хорошо запомнил Святослава Рериха (очень забавный дедушка, который часто посещал наш культурный центр и каждый раз угощал меня своеобразными на вкус сладостями из Гималаев); Илью Глазунова, тогда ещё молодого, но уже при власти, художника (если уж мы затронули тему искусства); Махаришу Махешу (известный йог и гуру, этот даже устраивал показательные выступления, прилюдно разжёвывая стёкла и глотая плоды самого ядовитого на земле растения абрус); Игоря Кио (маг и волшебник в отличие от йога так поразил меня, что я напросился к нему в ученики по окончании командировки отца, жаль, что в Москве об этом никто не вспомнил, включая меня); Джона Леннона с Йокой Оно (не вспомню сейчас, были ли с ними в компании остальные Битлы: на такие мелочи я внимания не обратил). Этих запомнил хорошо, так как анкл Джон и тётя Йоко повозились со мной некоторое время, видимо, из приличия и уважения к отцу (или всему СССР), а может быть потому, что своих детей они завести не сподобились, вот и сюсюкались с чужими. С идолами музыки была связана весьма забавная сцена. Тогда вовсю шла война во Вьетнаме. А Леннон с Оно были яростными её противниками. В знак протеста они наняли бригаду, которая ночью притащила к американскому посольству кровать с петлями на ножках. И железнодорожными костылями, которыми крепят рельсы к шпалам, прибили её перед воротами посольства. Таким образом они перегородили выезд из него. Сами разделись голыми и легли, накрывшись простыночкой. Поутру дипломаты проснулись и попробовали выехать по своим дипломатическим делам с территории. Не тут-то было. Дорога заблокирована кроватью. В ней лежат голые знаменитости с плакатом типа «Остановите войну». Тут же стоят и снимают всё это заранее оповещённые журналисты. На уговоры полиции освободить проезд изобретательные артисты не поддаются, всем объясняя, что они в неглиже. К

тому же в Индии очень строгое отношение к публичному показу оголённых частей тела. Так что прикасаться к ним и, соответственно, вынести, применив силу, невозможно. Запланированные деловые встречи работников посольства срываются. Средства массовой информации в восторге. Подтягиваются любопытные и явно нанятые, демонстранты, с транспарантами. Всё это длится до самого вечера, пока Джону с Йокой не надоедает. Или им приспичило справить физиологические надобности. Так они сорвали рабочий день посольства, привлекли к себе и проблеме кучу внимания, а также неплохо попиарились, внеся свою лепту в прекращение агрессии США. Отец говорил, что Леннон его заранее позвал освещать задуманный инцидент. Скорее всего, приглашение было принято, тут я ничего подтвердить не могу, сам в акции участия не принимал.

Как я теперь понимаю, все сотрудники загранмиссий были людьми партийными. Возможно, и случались исключения, но это было уникальным явлением. Соответственно, все выезжающие проходили инструктаж во всемогущем и загадочном КГБ. Наверняка большая часть сотрудничала с ведомством, а может, и в штат входила. Но мало кто в этом признавался в трезвом виде. При поселении нашем были и вполне официальные представители конторы. Они не только не скрывали этого, но и особо подчеркивали это перед нами, детьми. Не помню, как звали дядю, но он даже показывал мне свой пистолет Макарова (название я как раз от него первый раз и услышал). Что интересно, представители силового ведомства, чья работа заключалась в организации безопасности поселения и сотрудников, а также, естественно, и надзор за ними, очень часто менялись. То ли работа была настолько нервной, то ли жара так на них действовала… Они через полгода начинали бухать, а некоторые и не только. Очень хорошо помню, как наш штатный кагэбэшник в подпитом состоянии выбежал на полянку, крича, что он сотрудник органов, и что вокруг враги. Выхватил пистолет и начал палить по собирающимся на покой обезьянам, размещающимся на деревьях вокруг. Когда магазин закончился, его уговорили отдать оружие и сдали на руки нашему доктору. Оказалось, что у парня нервное расстройство и его следует немедленно отсылать на Родину. Так и поступили. На смену приехал новый. Но через несколько месяцев с ним случилась подобная же оказия. И опять на почве нелюбви в приматам. Скорее всего, в Индии и большее разнообразие обезьян, но в Дели, да и в остальных местах, где мы бывали, встречаются только два вида. Зато в таком количестве, что мало не покажется. Подразделяются они на хануманов, эти симпатичные и наглые, ибо, кто в курсе индийских эпосов, те понимают – твари они Божьи, то есть святые. Отношение к ним соответственное. Их стараются не обижать, подкармливают по возможности. И даже строят для них храмы. Так как они войско и воплощение того самого Ханумана из Рамаяны, являющегося одним из аватаров Великого

Бога Шивы. А Шива, сами знаете, Бог очень грозный, которого лучше не злить и под горячую руку не попадаться. Сын его как-то вывел папу из себя и до сих пор ходит с головой слона вместо человеческой, хотя его, Ганеша, это совсем не портит. А есть ещё лингуры, те демоны конченые, особенно по мифологии. У них длинный хвост, который они используют как пятую конечность и чёрного цвета морды. Так вот у нас на территории жили хануманы, лингуры иногда устраивали набеги, но огребали по полной от наших братьев меньших, да и людей до кучи и сваливали подальше. Наши же устраивались где-то в ветвях, и у нас, и в окружающих парках. Эта часть Дели была очень зелёной и исторической, по крайней мере, в те времена. Самки, вместе с висящими на них детёнышами, лазили прямо по отвесным стенам зданий, так как облицовка была из крупной мраморной крошки и им таких зацепов было достаточно для передвижения. Вот почему по всей Индии на окнах и балконах решётки, ну, кроме самых верхних этажей, где обезьянам уже боязно лазить. В подъезды им заходить страшно, они боятся замкнутого пространства. Самцы обычно чинно сидели на деревьях и ждали, когда появится продавец фруктов по имени Харилал. Тот каждый день заглядывал к нам с огромной корзиной на голове, прятал её в беседке под навесом и ещё укрывал сверху брезентом от воришек. Сам ходил и раскладывал возле дверей квартир сделанные накануне заказы, в больших пакетах, в то время пока не пластиковых, их ещё не придумали, а обычных бумажных коричневого цвета из вторсырья. Потом мы возвращали ему эти пакеты, вложив туда причитающиеся деньги, так же оставив возле собственной двери. Тырить деньги было некому, русские у своих не будут, нас было мало и все друг друга знали. А индийский обслуживающий персонал тем более, ибо очень дорожил высокооплачиваемой по местным меркам работой. Харилал угощал мартышек, выложив им связку бананов, в надежде отделаться малым и сохранить содержимое корзины. Однажды на нашей территории объявился старый самец. Скорее всего, ранее он был вожаком стаи, так как выглядел гораздо крупнее обычных. Видимо, он вышел на пенсию по возрасту. В таких случаях молодой новый вожак его изгоняет как конкурента. Вот он и стал одиночкой. По всей видимости, он не был в курсе добрых отношений, сложившихся между местными приматами и бедным торговцем фруктами. Обезьян увидел пришедшего фруктовика, обалдел от количества вкусной еды в корзине на его голове и понял, что жизнь налаживается и без стаи с гаремом самок. Как говорилось в известном, ещё не вышедшем тогда на экране фильме: это я удачно зашел. Дождавшись, когда Харилал отойдёт по своим разносным обязанностям, матёрый грабитель спустился с насеста и очутился в беседке с корзиной, прикрытой материалом, прижатым по краям кирпичами. Оттащить тряпочку ему не составило труда, и он закатил пир на весь мир. В этот день Бог послал ему и виноград, и любимые бананы, и несколько сортов манго, коим славится

благословенный Индостан. И ананасы «беби». И даже маленький арбуз без косточек. Который он расколол об коленку и забавно выгребал мякоть ловкой лапой-рукой. Мы с приятелем всё это с любопытством наблюдали, даже не пытаясь ему помешать. Во-первых, нам было интересно, во-вторых, мы же были дети и нам в то время непонятно было, насколько трудно зарабатывать деньги своим трудом. К тому же нами это воспринималось как большая и интересная игра. Когда торговец вернулся и попробовал отогнать хама, тот поначалу не обратил не него никакого внимания. Он догадывался, что для индуистов является святым животным, и они не посмеют причинить ему какую-нибудь значимую неприятность. И тут Харилал сделал страшное лицо, как в индийских фильмах у отъявленных злодеев, поднял валявшуюся поблизости палку и сделал вид, что замахивается на ханумана. Такого гадства обезьян пережить уже не смог. В мгновение ока он выхватил из корзины большой ананас, подпрыгнул на пару метров и со всей дури опустил фрукт на голову несчастному человеку. В лапе осталась кочерыжка, спелый плод размазался по голове торговца. Тот сел от удара и неожиданности на задницу и обалдело смотрел на обидчика. Обезьян как ни в чём не бывало опустился на землю возле корзины и, аккуратно очистив от кожуры очередной банан, не жуя всосал его в себя. Тут спохватились охранники, тоже наблюдавшие цирковую сцену, и бросились спасать несчастного. Обезьяна не спеша забралась на дерево, прихватив с собой ещё немного фруктов про запас. Но кончил он всё равно плохо. Вернее, его кончил всё тот же сотрудник наших органов. Произошло это следующим образом. Под самой крышей нашего офисного здания находилась комната для хранения секретных документов. Проще говоря - секретка. Я в ней ни разу не был по понятным причинам, но знал, что серьёзные дяди там занимаются очень важными делами. И постоянно наблюдал, как они курят и разговаривают между собой, высунувшись из окна. Так как окно находилось очень высоко, под козырьком крыши, залезть туда человекообразному было нереально. А может, мы их недооценили. А возможно, сработало русское авось или просто халатность. Но на окно секретки не поставили решётку. Короче, вы сами понимаете, что раз в столетие даже через решётку в секретную комнату советского учреждения за границей может забраться злоумышленник. А тут её не предусмотрели вообще. Этим персонажем нашей истории и явился мистический обезьян. Он не просто сумел туда пролезть. Он нагадил на стол, посредине которого лежала папка с грифом «Совершенно секретно». Кроме совершённого бесчинства, животное притырило вышеозначенную папку. И, держа её в одной передней лапе, на трёх остальных так сигануло с подоконника, что долетело до растущего довольно далеко дерева. Опустилось на ветку, качающуюся почти у самой земли. Пробежалось по полянке под удивлённые вскрики наблюдавших советских людей (время было обеденное, и

множество народа сидело за столиками кантина, вынесенными на полянку). Далее макак взобрался по усыпанной мрамором стене на крышу трёхэтажного жилого дома. Уселся нам на парапете и начал разглядывать добычу.

- Только не спугните его, – театральным шёпотом орал секретный сотрудник. – Не кричите, обосрётся и за территорию убежит… с документами, сука!

Обезьян не спешил. Он за последний месяц вообще ни разу не покинул наш уютный посёлок. Ему и тут было неплохо. И подкармливали, и развлекухи можно было себе придумать. Мой отец сделал повергшее кагэбэшника в ступор предположение:

- Какой-то уж очень крупный самец. Возможно, это просто небольшой человек, карлик или лилипут, одетый в шкуру…. Может, и цирковой артист. Видишь, какой ловкий?

- Точно, – поддержал кто-то из сотрудников. – И работает на американцев. Они его специально внедрили на нашу территорию месяц назад под личиной и легендой выгнанного из стаи вожака. А задание - выкрасть документы…

- Определённо, теперь он их и выкрал. Кажется, фотографирует, у него, похоже, камера в глаз вмонтирована. А папку в конце концов сожрёт или вынесет, связному передаст.

При этих словах сотрудника органов бросило в пот, и он покраснел лицом:

- Это не шутки. Тихо, без шума, выводите индийский персонал с территории, объявляйте окончание рабочего дня, чтобы через пятнадцать минут ни одной индийской души тут не было. И макаку не спугните, действительно, вынесет документы за территорию! – громко прошептал он и на цыпочках удалился в сторону своего жилища. – Тогда всем пипец, не только мне…

Ничего не подозревавшие из-за того, что были не в курсе происходящего, индийцы, обрадованные неожиданно окончившимся рабочим днём, потянулись к выходу с территории. Когда последний покинул её, появился кагэбэшник с винтовкой, оснащенной оптическим прицелом:

- Не спасу документы, прямо из Индии поеду охранником в Коми АССР…

Стрелков в КГБ готовили неплохих, снял шпиона с первого выстрела. Документы были слегка пожёваны, но почти не пострадали. Однако и этого сотрудника вскоре тоже отозвали. Вечером он сильно напился. Видимо, кто-то сообщил куда следует об инциденте. Ведь кроме официальных работников КГБ, неофициальных в коммуне (как называли жителей нашей резервации) было в

избытке. Трупик обезьяна ночью вывезли с территории и где то похоронили, надеюсь, с почестями, положенными почтенному воину войска Хануманова.

Нас, детей, интриги взрослых, конечно, мало касались, к тому же от нас их тщательно скрывали. Но, естественно, они были. Кое-чего мы замечали, например, кучкование по группам. Что естественно в большом коллективе людей, компактно заселённом на ограниченном пространстве коммуны. Но отца моего, казалось, это не сильно касалось, его, похоже, все любили. Или делали вид. Во-первых, он один из четверых в посёлке имел дипломатический паспорт. Во-вторых, являлся душой компаний, причём всегда и везде, где я его запомнил. Не зря ему поручали встречать гостей и возиться с ними. Наличие синего паспорта давало немало преимуществ. Кроме закреплённого за ним личного транспорта (что давало свободу передвижения и прочие вольности), он имел так называемую «дипломатическую подписку». Немудрено, что держатель такой льготы имел в друзьях всё не обладающее сиим преимуществом население. Так как подписка была ничем иным, как возможностью получать по символическим ценам продукты, алкоголь, сигареты и прочие ништяки по системе «Внешэкономторга». Раз в месяц он заказывал по этой дипломатической почте посылку, она состояла из нескольких ящиков. Ассортимент был «как в лучших домах». Все, какие только существуют на Земле, сорта виски, вин, пива. Консервы, сыры, колбасы. Сигареты и табачные изделия. Повторюсь: такой льготой обладали лишь четверо избранных в нашем поселении. Другие покупали дорогущий индийский виски, который отец сравнивал с сивушным самогоном, от которого на зубах оставался восковой налёт. Так вот, брал он не только на себя одного. Столько ему было не выпить и не съесть, соответственно. К тому же у нас в семье было строгое неприятие к курению. Поэтому все коробки с блоками изысканных американских и английских сигарет он брал на своих друзей. Раз в месяц всё это прибывало на грузовичке, выгружалось на полянку, зажатую между нашими домами, и начинался дербан. Поэтому папу горячо любила большая часть сослуживцев, не обладающих паспортом синего дипломатического цвета.

Родители всегда подчёркивали, что мы многодетная семья. Видимо, для того, чтобы дети сильно не клянчили у них чего-нибудь купить. Существовала некая концепция, гласящая, будто в основном люди едут за границу с мыслью обогатиться. Купить себе, как тогда говорили, в Союзе, машину, дачу, кооперативную квартиру. Наверное, так оно и было. Зарплаты-то выплачивались о-го-го какие. В сравнении с внутрисоюзными. В нашем же случае считалось, будто деньги не самое главное. Мы ведь интеллигенция. А сюда приехали послужить отечеству, заодно и мир поглядеть. Типа все наши доходы тратятся на поездки (мы и правда ездили очень много). На питание, причём весьма

здоровое, в Индии больших затрат и сейчас не требуется, а уж тогда… что и говорить, если, покупая мясо, мы щедро вырезали оттуда жилки и оставляли только изысканную мякоть. Потом наступало развлечение для нас, детей. Выносились на полянку жирные отходы, и туда, откуда ни возьмись, слетались сотни коршунов. Откуда они просекали и предчувствовали пиршество? Говорят, у хищников очень острое зрение. Но действительно – где-то на высоте тысячи метров парит одинокая птица и не видно более вокруг никого. Выносишь небольшой кусочек мяса, и через полминуты уже стаи слетаются поживиться. Хищники рассаживались на край крыши и ждали, когда кто-нибудь из нас подкинет в воздух кусочек. Несколько птиц срывались в пике и самому смелому доставалась добыча. Обычно они хватали её у самой земли. Припоминаю такой случай: приносит мясник-мусульманин говядину, мать берёт несколько килограммов, кладёт их в тазик и направляется домой. Тазик несёт в согнутой руке, на плече, прямо возле головы, так было легче. И тут на эту приманку пикирует коршун с крыши в надежде урвать верхний кусок. Коршун хватает что попалось, ударяет мать крылом по голове, отчего она падает и роняет посуду. Птица пытается взлететь вверх с добычей, но никак не может. Ибо кусок уж очень большой и тяжёлый. Оставшееся мясо, а там на дне были небольшие куски вырезки, рассыпается по траве. Пернатые бандиты налетают, и вся вырезка достаётся им. Нам же на ужин осталось то, что они из-за тяжести не смогли унести. С тех пор учёная мама больше так не делала. Она всё складывала в закрытую сумку и несла у самой земли. Кстати, мясников было трое. Курицу и рыбу приносил инду по вероисповеданию. Мусульманин отоваривал нас говядиной. Причём у каждого было своё время посещения нашего городка. Так, чтобы они ни в коем случае не пересеклись, ибо корова в Индии священна. И могло дойти до столкновения, если индуист окажется рядом с кусками святого животного. Соответственно, свинину нам носил христианин-католик, коих в Индии также хватает. Эти употребляют всё. Но мясо уже не стоило раскладывать возле дверей, как фрукты. Коты и прочие хорьки (мангусты) могли всё это потырить. Потом разбирайся.

Мы действительно много путешествовали и в компании друзей, сослуживцев родителей, и чисто семьёй. У отца в распоряжении был лимонного цвета «Форд фалкон» с водителем. Обычно нас возил упомянутый мною сикх в тюрбане. Но иной раз его подменял кто-нибудь из свободных, если этот брал выходной, а ехать всё равно было надо. Сам папа так и не научился водить машину, видимо, не было необходимости. Однажды мы ездили в Гималаи, в город Симлу или Шимлу, и так, и так допустимо говорить. Тогда на подмену нашему индийцу мы уговорили ехать папиного зама. Советского человека. Тот оказался лихим водилой. Дорога дальняя и без сменщика одному шофёру ехать было опасно, тем более в горы. Симла - это летняя резиденция англичан в Индии. Когда

наступал сезон муссонов (индийцы называют его мансун), то в Дели и Калькутте, где они обитали в сухой и прохладный сезон, становилось жарко и влажно. Тогда завоеватели сваливали в горы, где среди хвойных лесов, в прохладе, проводили невыносимые месяцы. Как раз в замке, где прохлаждались англичане, мы и заночевали. По календарю на дворе стояла зима. То есть декабрь или январь, точно не помню. Сезон вполне комфортный для Дели, но у отца высвободились выходные, и мы решили охладиться и вспомнить, что есть зима и снег. В Симле действительно лежал на улицах довольно толстый слой снега, возвышались величественные сосны и, что меня просто сразило, между ними сновали любопытные обезьяны. Заинтересовали их мы. Время-то голодное, все ягоды-грибы под снегом. Чем они вообще там питаются, я даже и не соображу. Видимо, поэтому и пристают к человекам, попрошайничают.

Замок действительно напоминал английский средневековый. Я уже пытался читать про Айвенго и Робина Гуда, поэтому имел некое представление. Стены были закопченными от факелов, которыми освещалось помещение, с белыми следами висевших некогда мечей и щитов. Сказочное тогда сложилось впечатление, особенно оно удачно легло на только что прочитанное рыцарское чтиво. Хотя сейчас мне думается, что это могла быть и имитация под средневековье. С возрастом, да ещё в современном мире, всем так и начинает казаться, что тебя во всём пытаются надуть.

Не помню, как много времени мы провели в привычном нам климате, меня такая смена совершенно не радовала. Я настолько привык к жаре и влажности, что с ужасом представлял, как же мне будет плохо по возвращении в СССР. Неужели там полгода именно так, только ещё и без ненаглядных мартышек? По дороге обратно мы отпустили машину ехать в столицу своим ходом. А семьёй решили прокатиться на столь же раритетном, как замок, поезде. Причём тоже «маде ин грейт британ». Прикол в том, что в нашем вагоне «люкс» было всего одно купе, всё наше. Наверное, так сейчас ездят президенты. В купе была даже ванна и всё, что только душе угодно, в разумных понятиях путешествия, конечно. Отъехав от Симлы, поезд по каким-то причинам затормозил и встал. Видимо, случились проблемы типа схода лавины, горы всё-таки. И пока расчищали пути, поезд стоял недалеко, возле переезда. Как раз в это время мы увидели наш форд, подъехавший к шлагбауму по шоссе. Мы даже начали махать нашим в открытое окно. А они отвечать морганием фар. Через несколько вагонов от нашего, похоже, был простой, типа общий, для малоимущих. С той стороны раздались грубые выкрики и гул недовольных индийцев. Надо учесть, что в это время во Вьетнаме шла война, против которой Индия была настроена очень отрицательно. И вот, на переезде в горах стоит лимонного цвета форд с синими дипломатическими номерами, кто его знает какой он национальности, может, в

нём американцы или, того хуже, англичане? Уж этих- то в Индии нормальные люди вообще терпеть не могут. Поезд стоит, машина мигает, снег, тишина, только шум со стороны вагона с трудовым народом. Шум становится всё агрессивнее. И тут мы наблюдаем, как из нашего форда выходит индийский шофёр и орёт в сторону шумящих что-то, мы не можем разобрать. Ведь язык-то местный, хинди. Наступает небольшая пауза, видимо, вагон переваривает услышанное. Потом в ущелье раздаётся многократно повторяемое эхом: «хинди, рашн, пхай, пхай»! Что означает: за дружбу между индийцами и русскими. Это звучало так патетично. Потом, уже в Дели, ребята из машины рассказали нам, что из вагона неслись оскорбления и проклятия. Шофёр-индиец не выдержал, вышел и закричал, чтобы слышали в вагоне, что в машине едут русские. Тут поезд и взорвался оптимистическими лозунгами.

Однажды мы большой компанией поехали в Агру. Туда, где располагается знаменитый Тадж Махал. Ехали на несколько дней, по продуманному маршруту. С заказанными ночёвками в очень интересных местах. Я бы даже сказал – диких. Это сейчас Индия - страна перенаселённая. С возделанным каждым пригодным для этого кусочком земли. Полвека назад всё было немного по-другому.

По дороге в Агру мы запланированно ночевали в заповеднике на берегу озера. Кажется, оно называлось Альвар. Лучше всего запомнилось то, что на берегу стоял дворец Раджи, уж какого именно, трудно сказать, в своё время на полуострове Индостан было множество небольших государств. А их правители по большей части назывались раджами. Именно в этом дворце нам и предстояло ночевать. В нашей не очень многочисленной, но дружной и интернациональной группе имелся «специально обученный» человек индийской национальности, который всё организовывал, заказывал, контролировал, заранее обзвонив местное начальство, предупредив о прибытии больших гостей. Русские, и тем более дипломаты, считались очень важными персонами, и было весьма почётно встретить их лично главой поселения и местным начальством, включая партийное. Не секрет, что во многих штатах компартия Индии имела большинство. А в Керале, так там традиционно коммунисты у власти вот уже лет шестьдесят. И порой забавно видеть, въезжая в штат, изрисованные граффити в виде серпов и молотов, заборы. А если добавить к этому вбитое за столетия англосаксами почитание к белому человеку, то можно составить себе картину отдыха больших упитанных белых «сахибов» в тропической стране. Что касается лично меня, то я пользовался у индийцев невероятной популярностью. Кстати, говорить ИНДУСЫ обо всех индийцах в корне неправильно, так как это относится к исповедующим индуизм, а в Индии много и других религий, от ислама и сикхизма, до христианства и буддизма. Как я уже упоминал в своих прежних книжках, прилично ли будет выйти в Москве на какой-нибудь рынок и

обратиться к продавцам со словами - православные? Популярность моя обуславливалась следующим: во-первых, я был белый и пухлый ребёнок, благо, уже отъелся на индийских харчах после Иркутских хворей. Во-вторых, у меня были длинные блондинистые кудри. В-третьих, у меня был папа советский дипломат. Благодаря этому папины индийские работники нас всей семьёй частенько приглашали на различные праздники. Особенно это было актуально в случае свадьбы. Так как я там «работал» «свадебным младшим братом». Дело в том, что на индийских свадьбах принято во главе процессии везти на лошади младшего брата, или племянника, или какого другого младшего родственника. Имеется в виду, если свадьба эта в семье с хорошим достатком. Короче, так гораздо почётнее и зажиточнее. Желательно, чтобы лошадь была белая, а ребёнок весь наряженный и в чалме. Соответственно, сотрудники отца были высокооплачиваемыми, по индийским меркам, товарищами. Могли себе позволить закатить «пир на весь мир». Вот они и приглашали нас, так как белые люди среди гостей - это вообще шик и престиж. Меня просили побыть «младшеньким», что, естественно, по-первости раздражало. Но подкупало то, что не каждый день тебя на лошадке катают. А тут такая халява, и недорого, стоит потерпеть какие-то полчаса-час, а дальше я переодевался в майку с шортами, ибо жарко. А также имел почёт и внимание, с подарками и потрясающими индийскими кушаньями и сладостями. Индийская свадьба - это нечто. Единственное, что непривычно для русского человека, так это то, что там не наливают. Соответственно, и драк не случается. Тогда всё это происходило на свежем воздухе, с обильной едой на помосте и подушечками вокруг. Насчет алкоголя: бывало, наши прихватывали с собой бутылочку-другую. Но чаще обходились насухую.

Так вот, вернёмся к нашей ночёвке на берегу озера в заповеднике. Дворец Раджи имел довольно большой двор. И что меня пленило больше всего, он был полон живности. То есть тут разводили и кур, и павлинов, и перепёлок, и кого тут только не было. Бегали молочные поросята, козочки. В клетках сидели кролики и ещё кто-то, кого я вообще видел первый раз. Эдакий прародитель контактного зоопарка. Естественно, мне тут стало интересно и была возможность не присутствовать среди взрослых и не вслушиваться в их непонятные и дурацкие разговоры. В компании я был единственный ребёнок. Часть старших тут же организовалась на рыбалку, так сказать, на вечернюю зорьку. Затарившись вискарём и стаканчиками из популярной в Индии нержавейки (одноразовых тогда ещё не изобрели), они спустились от дворца к воде. Противоположный берег был гористый и казался окрашенным в тёмно-синий цвет. Рыба начала активно клевать, когда дело уже подошло к закату (а в Индии в любое время года солнце садится примерно в одно и то же время, плюс-минус полчаса, где-то в районе половины седьмого), на тот берег вышли к

водопою тигры. Видно их было не очень хорошо, но зато слышно. В предзакатной тишине они издавали отчётливый громкий рык. Тут сопровождающий нас товарищ из местных притащил несколько биноклей, и что-то похожее на тигра я всё таки сумел увидеть краем оптики. Потом всех позвали на ужин. А рыбу понесли на кухню, готовить дополнительные блюда к имеющимся яствам. Мама сказала, что главным сюрпризом будет дикий фазан, подстреленный в заповеднике. И его приготовили по английскому рецепту, как любил некогда Раджа. Я не знал, как выглядит упомянутый фазан, мне сказали лишь, что это деликатесная птица. Но мама строго добавила: это необходимо попробовать, ибо где и когда ещё я смогу отведать подобное. Подали кусок какого-то мяса на позолоченной тарелке. С обычными овощами. Ну, наверное, это прикольно, так как звучит красиво, фазан, - подумал я и откусил маленький кусочек. Вполне съедобно. И тут мне на зуб попалось что-то твёрдое. Я перепугался и выплюнул. Это оказалась большая дробина. Мне стало просто жутко. Детская фантазия нарисовала такую картину, будто теперь от этого я могу помереть. Появилась чёткая уверенность, что теперь у меня случится аппендицит, то есть воспаление аппендикса. Откуда у меня это взялось, я не могу себе даже представить. Но почему-то мне казалось, что это конец. Попавшая внутрь организма дробина, а я был уверен, что проглотил несколько, пока одна не попалась на зуб, просто неминуемо приведёт к смерти. Я не спал всю ночь, и только наутро рассказал о страхах родителям. Они долго смеялись и объясняли мне, что всё на самом деле гораздо проще. Вдобавок ко всему, фазан оказался совсем не фазаном. А обычным диким павлином, которых я очень любил в живом виде и уважал за красивые перья и величественный вид. А фазаном они его обозвали для большей доходчивости бестолковых белых людей. И чтобы те не так сильно расстраивались, ибо павлинов употреблять в пищу не каждый отважится. Так что я не так много и потерял. В утешение мне подарили огромный пучок перьев так огорчившей меня птицы. Часть их я раздал, но несколько штук так и остались. И более пятидесяти лет простояли в вазе в Московской родительской квартире, на пианино «Беккер», пережив их. Даже не выцвели.

После озера и заповедника мы направились в Агру. Сейчас, если кто недавно бывал в Индии и ездил на экскурсию обозреть Тадж Махал, знают, насколько это муторное дело. Туда ломятся толпы паломников и туристов. Надо стоять в очереди за билетами, проходить через рамку и так далее. В конце шестидесятых прошлого века всё было значительно проще и вполне по-свойски. Просто приходишь и идёшь себе через огромное пространство череды фонтанов, испарения от которых создают эффект, будто гигантское мраморное строение невесомо и буквально парит в воздухе. У самой гробницы снимаешь обувь и заходишь во внутрь. Сопровождающий нас индийский товарищ из спецслужб так

всё замечательно организовывал, что даже нищих предварительно удалили из зоны контакта с нами. Вот так в тот раз всё происходило. В Агру мы ездили множество раз и как почётные гости, и простыми незаметными белыми туристами. Город и тогда был огромен, по европейским меркам, более миллиона жителей. И богат на памятники. Всё-таки некогда это была столица империи Великих Моголов. Здесь правили потомки самого Тамерлана. В этот же приезд нам много чего замечательного рассказали о возведении и печальной истории гробницы. Не буду тут распыляться, всё есть в Википедиях, если кто не в курсе событий. Помнится лишь, что к вечеру мы еле добрались и устроились в гостинице после тяжёлого дня. Но как и предполагает восточное гостеприимство, в покое нас не оставили и пригласили на званый ужин, который устраивал мэр города в нашу честь. Ужин как ужин, вполне себе званый, коих на моём не самом великом к тому времени веку, было уже в избытке. Как белый ребёнок, которому всё простительно, к тому же уставший и капризный после столь насыщенного дня, я вёл себя совершенно по-свински. А кто бы в моём возрасте отказался от такого, если ему за это ничего не будет? Я уединялся подальше от родителей, ибо наказание могло прилететь только от них, и требовал у прислуги поднос с пирожными. В Индии на тот момент была мода, которую я по прошествии десятилетий стал замечать всё реже. Они на сладости наносили сверху тончайший слой серебряной фольги. Серебро - металл дезинфицирующий, что было не лишним в условиях антисанитарии (по европейским понятиям) влажных тропиков. Я при этом вспоминал, как бабушки в Саратове клали серебряные полтинники в графин с водой, чтобы она была чище и она, кстати, не портилась месяцами. А в Индии этот металл был в таком избытке, что его без стеснения употребляли в пищу. Как нам объясняли сведущие люди, принимать его внутрь было очень полезно. Кстати, столь тонким, чтобы оно растворялось во рту, его делают вручную. Берут фольгу, кладут между двух слоёв кожи и стучат этим о камень. Так, чтобы металл расковывался до микронного слоя. Далее берут заячьей лапкой с остриженными когтями и аккуратно кладут на сладость. Так вот, зная о пользе серебра практически всё, я брал поднос и ножом для масла собирал со всех кусочков серебряную поверхность. Потом намазывал на один из кусочков и всё это гордо потреблял, с тем чувством, что сейчас так оздоровлюсь, что ни одна зараза ко мне больше в жизни не пристанет. И всё это под умилительное одобрение офигевших индийцев. Только уже будучи взрослым и имея отношение к медицине, я узнал, что серебро является тяжёлым металлом и его переизбыток в организме ведёт к нехорошим последствиям для здоровья. Но в детстве какой только гадости не нажрёшься, и всё нипочём. Не всё же сразу убивает… даже питание во «Вкусно и точка».

К полуночи сил уже оставалось немного. А тут ещё взрослые завелись после выпитого. Мэр, стукнув кулаком по столу, воскликнул на индийском английском, что сейчас он нам покажет такое, чего не видывал ещё ни один иностранец в мире. Ну, кроме англичан, конечно, поправился он, но это было уже давно, почти что четверть века назад. Мы расселись по машинам и нас повезли туда, где мы уже бывали сегодня. А именно - в Тадж Махал. Охранники, узнав в каком мы сопровождении, немедленно пропустили нас на огромную территорию мавзолея. Фонтаны уже были выключены, но на небе светилась полная луна, отчего всё вокруг сияло и поблёскивало серебром. Слава Богу, не тем, которое я только что употребил во внутрь. Мы приближались к мраморной махине главного строения. Уже казалось, будто она нависает над нами, паря в воздухе и немного покачиваясь из стороны в сторону. Будто не стоит на земле на глобальном фундаменте. Конечно, это был оптический эффект, создаваемый испарениями и светом луны. Мы как завороженные обходили вокруг исторического памятника, поражаясь увиденным. И тут мэр потребовал тишины и сказал всем внимательно глядеть на купол мавзолея. Дядька навёл на него мощный шестибатареечный фонарь, напоминающий по своей силе скорее ручной прожектор ПВО. Круг света скользнул по куполу, тот весь засверкал самоцветами.

- Видите? Это драгоценные камни. Англичане, уходя, конечно, выковыряли те, до которых смогли дотянуться в спешке. Но уходили торопясь, не до всего добрались, много чего осталось. Днём такого не увидишь…

Уж на что я еле ходил от усталости, но тут сонливость как рукой сняло. Я сразу представил этих подонков, невесть как забравшихся на огромную высоту купола и ножом выковыривающих оттуда бриллианты и прочие самоцветы. А по ним снизу стреляли… вот такие странные детские представления у меня сложились об освобождении Индии от колонизаторов.

Детская память очень своеобразно фиксирует воспоминания о событиях, произошедших полвека назад. Потом они обрастают подробностями, услышанными от очевидцев и участников произошедшего. Что-то додумывается, вспоминаются новые детали и потом формулируется в более литературной, приемлемой для восприятия форме.

Основная деятельность отца в Индии, кроме написания статей, заключалась в издательстве и редактуре двух журналов, издаваемых СССР для Юго-восточной Азии. Сейчас их бы не без основания назвали пропагандистскими. Они рассказывали о преимуществах советского образа жизни и назывались знаково: «Совиет лайф» и «Совиет ленд». То есть Советская жизнь и Советская земля. Журналы печатались в Индии и распространялись далее. Скорее всего это делалось из-за доступности и дешевизны печатного дела и бумаги. Для

воплощения всего этого мероприятия в жизнь была задействована одна из самых влиятельных и богатых семей Индии, негласных хозяев юго-восточной части страны и штата Тамилнад со столицей - городом Мадрас, сейчас его переименовали в Ченнай. Главой семьи был папаша по фамилии Прасад, у которого имелось четверо сыновей. Выйдя на пенсию и отойдя от дел, старший Прасад поделил бизнес между всеми сыновьями. Заводы, дома, пароходы распределились поровну или по-честному, это уж им было виднее, как. Что там досталось старшим, я не знаю, в курсе только того, что поимел от папаши младший по имени Вену. Ибо он сам нам всё и рассказал. Дело в том, что кроме киностудии, кучи недвижимости и участка земли, на котором располагалась древняя историческая крепость, младшенькому досталось несколько типографий. Причём больших и весьма производительных. С подъездом к ним железнодорожной ветки и портового причала. Что удешевляло подвоз бумаги и расходных материалов, а также транспортировку готовой продукции. Вот почему наше посольство и задружилось с молодым миллионером. А все основные дела и переговоры с Вену вёл как раз мой отец. Кроме того, в шестидесятые годы прошлого века было очень модно среди мажорной молодёжи, а Вену именно к ней и относился, иметь левые взгляды. Сам он получил образование в Англии, видимо, там, в студенческой среде и заразился. Внешне он выглядел молодым зажиточным коммунистом. Носил майку с портретом Че Гевары, беретку со звездой и не выпускал изо рта окурок сигары. От него всегда попахивало дорогим парфюмом и недешёвым шотландским виски. В своём родном Мадрасе он возглавлял молодёжное отделение прокоммунистической организации. Имел нехилый парк автомобилей, среди которых были в основном спортивные и шикарные. Ну, и пара внедорожников для покатушек по песчаным пляжам. К тому же у него в пользовании имелось несколько спортивных самолётов. А ещё он приставал к моему отцу с просьбой составить ему протекцию в советские военные органы, для покупки нашего вертолёта МИ-2. Уж очень ему нравилась эта модель. Но существовали какие-то сложности с покупкой этой дорогостоящей игрушки. Хотя в индийской армии хватало Советской авиационной техники, а значит, обслуживать цацку можно было найти техников. На самолётах он периодически развлекался полётами. Был он молод и … как все молодые, без царя в голове. Однажды с другом, употребивши чего-то горячительного они начали летать над пляжем. Если бы просто летать, а то решили пошутить и стали пикировать на отдыхающих. Хорошо, что трагедия случилась над водой, а не песком. Самолёт коснулся крылом воды и клюнул всем фюзеляжем. Друг погиб. Вену выплыл. Его судили. Папе пришлось задействовать «административный ресурс», как бы сейчас сказали. Короче, денег они раздали немало. Сынка осудили условно. Лицензию на пилотирование самолёта отобрали. Но через полгода вернули (Индия в те времена была весьма

коррумпированная страна) с пометкой – «без пассажира». Что, в общем-то, Вену не расстроило, ибо как там в воздухе проверишь, есть кто на борту или нет? Мы всей семьёй переживали за парня, так как очень с ним подружились и сроднились с богатой семьёй. И уже один раз побывали по его приглашению в Мадрасе, в имении, где располагалась крепость. На самолёте кататься нам не довелось.

Вену был парень спортивный. Для прикола он сам снимался каскадёром в фильмах, которые выпускала его студия. Сейчас я не перевариваю индийское кино, именно потому, что пересмотрел его в детстве. Оно и тогда мне казалось слюнявым и сопливым, каким в принципе и является. Из всего количества просмотренного, я могу сейчас выделить всего два фильма, которые возможны к восприятию без употребления противорвотного. Обе ленты производства и продюссирования Вену. Один, чёрно-белый, хотя и снятый году в семидесятом прошлого века, рассказывал о подвиге индийского спецназа, впятером освободившего штат Гоа от португальских колониалистов. Немного остановлюсь на сюжете, ибо фильм, задуманный как весьма серьёзный, получился ну очень смешным. Особенно для людей, воспитанных не на голливудских поделках, а на нормальных советских фильмах о войне. Названия того индийского шедевра я уже, конечно, не помню. Но замечательно то, что там, как это обычно бывает в основной массе продукции Болливуда, не было ни одной сцены с танцами и песнями главных героев. Конечно, в фильме герои строго делятся на хороших и злодеев. Хорошие - серьёзные и симпатичные люди. Злодеев легко распознать даже по взгляду и мимике. Суть фильма в том, что на территорию штата Гоа, являвшегося тогда заморской территорией Португалии, через границу переправляется отряд диверсантов-пацифистов из пяти человек. Среди них одна женщина. Они идут туда без оружия, даже без ножей! И так, голыми руками, они снимают охрану со складов и баз. Причём солдат и офицеров выводят из строя временно и гуманно, слегка оглушив их. Вручную ломают винтовки и автоматы. Прокалывают шины у бронемашин. Засыпают песок в пушку танка и портят им гусеницы. На протяжении фильма их по одному вылавливают. Кто-то из них, помнится, даже гибнет для большей патетики. За полвека детали стёрлись из памяти, остались только самые яркие эпизоды. В конце двухчасового действа хватают оставшегося в одиночестве командира и пытают. Улыбающийся садист обтирает привязанному к кровати пленнику ноги грязной тряпочкой с водой. Тут приходит в белом халате другой садист, с раскрытой опасной бритвой. Всё это в присутствии стоящего вокруг консилиума португальских офицеров. Старший офицер берёт из рук доктора бритву и начинает наносить пленнику порезы на обеих ступнях, заставляя того корчиться и стонать. Заключительные кадры вообще заставляют зрителей плакать. На трибуне, недалеко от Президентского дворца в Дели, с того места, где видна

Триумфальная арка, стоит правительство Индии во главе с Джавахарлалом Неру и принимает военный парад. Видимо, прошли годы, так как далее возле трибуны выстраивается постаревшая и поредевшая на одного человека группа бывших диверсантов. Среди них бравая старушка и погрузневший командир, который приковылял, опираясь на палочку. У всех груди в орденах. И всем им по очереди президент с премьер-министром жмут руки. В очередной раз награждают. Далее камера показывает марширующие полки солдат, квадраты идущих по площади танков, из которых выглядывают командиры, отдающие честь. Пролетают самолёты, помахивая крыльями и осыпая всё вокруг лепестками предположительно цветов Индийского флага (фильм же черно-белый). У всех по щекам текут слёзы, в том числе и у зрителей в зале. Фильм действительно с потугой на серьёзность, что нетипично для индийского кино, как я уже упоминал. Но уж настолько это всё смотрится опереточно… хотя, может, это я такой циник. Со вторым запомнившимся мне шедевром, вышедшим под руководством Вену Прасада, связана личная история из жизни нашей семьи. Дело шло к концу семьдесят первого года. Отцу продлили время работы за границей. Но и от срока продления уже половина прошла. Примерно через год командировка должна была закончиться и нам предстояло возвращаться в СССР. Вену приехал из своего Мадраса по каким-то неотложным делам. И, как всегда, зазвал нас в ресторан, сообщив предварительно, что приготовил какой-то сюрприз. Возможно, поэтому я так хорошо и запомнил тот вечер, так как в нетерпении ожидал разрешения загадки, в чём же сюрприз заключается. Если обычно все эти выездные ужины для меня были каторгой, ибо больше всего я хотел остаться дома и поесть нормальной яичницы с замечательным английским сыром «Крафтчиз» из консервной баночки вместо индийских изысков. И чтобы меня не трогали своим назойливым вниманием индийцы, уж больно им нравился пухлый белый мальчик, одетый по-европейски. А дома можно было посидеть под кондиционером и не мучиться во влажной сутолоке столичного вечера в центре города. Водитель высадил нас возле лучшего делийского ресторана, где прямо на подъездном крыльце, так, чтобы не мешать другому транспорту, стоял шикарный американский автомобиль кабриолет. По нему мы сразу поняли, что пригласивший нас миллиардер уже здесь и ожидает нас. Такое авто было единственным в стране, как сам Вену нам потом рассказывал. Это был Кадиллак Эльдорадо с каким-то безумно огромным двигателем. Счастливый обладатель его появился из дверей заведения, широко расставив руки в приветствии; беретка с красной звездой была задорно нахлобучена на затылок, как у советских десантников второго августа в парке имени Горького в Москве. Он что-то скрывал в ладони правой руки. Вену по-дружески обнял отца и раскрыл перед ним ладонь, на которой лежал ключ от упомянутого выше шедевра американского автопрома.

- Теперь он твой. Это, брат, мой подарок на память о нашей дружбе. Ты ведь скоро покинешь Индию, нам будет одиноко без тебя и твоей семьи… нашей семьи… вы стали для нас родными. Прими этот скромный подарок. И до отъезда в Москву учись пока ездить на нём по Дели..!

Сказать, что папа был в шоке, - скорее всего ничего не сказать о его состоянии. Я, естественно, обрадовался и сразу плюхнулся на водительское сидение уже нашего автомобиля. Я начал энергично крутить руль, сделанный из дорогих пород дерева. Вену, взяв под локоть моих родителей, повёл их внутрь здания. Они что-то обсуждали, но мне было не до них. Да и родители как будто забыли обо мне, лишь только водитель-охранник бдил относительно моей безопасности (Вену сажал его за руль, только когда был уже не в состоянии управлять из-за перебора с алкоголем). И так весь вечер я под шиканье мамы отбегал из-за стола, перехватив кусочек еды, и снова облазил машину. А тем временем за столом было не до удовольствия от изысканных кушаний. Отец в красках описывал добряку миллиардеру, что может случиться с ответственным советским работником, дипломатом, коммунистом и тому подобное, если он примет от акулы капитализма подобный презент. И никто не посмотрит на то, что миллионщик этот сам практически комсомолец. Ходит с портретом товарища Че на майке, а на стене в его офисе висит портрет вождя мировой революции и великих отцов-основателей коммунизма. Не то что про карьеру придётся забыть. Вену говорил ему, что он оплатит транспортировку в Москву и напишет письмо в правительство СССР с объяснениями. Папа парировал, что он и так имеет частые беседы с различными органами из-за их плотного общения, но пока всё ему сходит с рук, ибо и работа делается на отлично, и он пока ещё на хорошем счету в парткоме. Короче, со всех сторон выдвигались различные аргументы, вплоть до того, что ездить по Москве на кабриолете не по погоде, а если что и сломается, то чинить будет негде. Тогда в СССР ещё даже завода в Тольятти не возвели. И даже Волги выпускались ещё в модификации двадцать один. К тому же прав на управление у отца не было. В ответ звучало о возможности все эти проблемы решить. На третий час дискуссии Вену принял аргументы отца.

- Ну, смотри, – сказал он в конце вечера, - раз ты не можешь принять мой подарок, то и мне этот автомобиль не нужен. Я разобью его… вот!

Прошло примерно полгода. Богатый друг назначил в нашем посёлке премьеру своего нового детища - фильма, как анонсировал он, где состоится его актёрский дебют и много-много каскадёрской работы. Как мне ни тяжело было снова глядеть индийскую муть, тут пришлось согласиться из уважения. Тем более, что тот фильм, который я описывал выше, из коллекции продюсерских работ Вену, был достаточно сносным. От этого просмотра я ожидал чего-то

подобного. Суть киношки, естественно, двухсерийной, почти четырёхчасовой, заключалась в том, что некая банда разбойников орудует по всей стране. Грабит богатеев и раздаёт деньги беднякам. Все они братья. Короче, эдакие робингуды по-индийски. Естественно, там присутствует любовь. Но что удивительно для индийского кино, там всё заканчивается без традиционного хеппи энда! Весь этот боевик обильно сдобрен песнями и танцами, в которые пускаются герои фильма, иногда с горя, а порой от радости. В блокбастере куча трюков. В том числе и на мотоциклах. Одним из них, в его исполнении, наш друг очень гордился. Ему пришлось прыгать через двадцатиметровый ров с крокодилами, уходя от погони полиции. Герои постепенно гибнут в схватках с правоохранительными органами, которые показаны не с лучшей стороны. Сплошная коррупция и поборы с бедняков. В конце концов остаётся главный младший брат. Остальные гибнут. А заканчивается киноповествование тем, что, опять же, спасаясь от преследования, герой мчится на розовом Кадиллаке Эльдорадо, сметая все преграды и баррикады полиции, где-то в горах. На крутом повороте он выпрыгивает из машины и пересаживается на припрятанный в кустах мотоцикл. Далее по горной тропе устремляется куда-то вверх. А огромный автомобиль срывается с обрыва и летит в глубокий каньон, где струится бурная река. Всё говорит о том, что герой для полицейских гибнет. Но тело не находят. А сам молодой робингуд уходит через горную границу, то ли в Непал, то ли в Китай, а может, ещё куда. Вот такой полу-хеппи, полу-энд. Все герои погибли, а главный уходит в горы, типа становится отшельником. Как-то так все истолковали сей шедевр.

- Я обещал, что разобью машину? Вот, убедись, я всегда держу своё слово! – гордо продекламировал отцу миллиардер. Когда свет зажегся, он привстал, и зрители зааплодировали ему.

А меня мучила только одна мысль, перевешивая все остальные чувства, навеянные просмотром: я видел эту машину, знаю, кому она принадлежит, слышал, будто это единственный экземпляр в Индии, значит, не может не бросаться в глаза. Тогда откуда её мог взять и кататься на ней бандит, которому по определению положено быть незаметным и таящимся от всех. Ведь любой обращает внимание на подобную экзотику, тем более, уважающий себя полисмен! И вторая мысль, глодавшая меня после того, как я увидел последние сцены фильма – пропали мои десять пайсов, которые я припрятал в щель между диванными подушками заднего сидения. Для того, чтобы в Москве потом достать их и показать родителям: вот чего я тут припрятал на память о нашем пребывании в Индии.

Да… так мы и остались без средства передвижения, как сказали бы Ильф и Петров. Хотя, скорее, тот автомобиль стоило бы называть роскошью. С молодым индийским миллиардером у нашей семьи связано много замечательных историй и воспоминаний. Но память выдаёт сейчас уже только эпизоды, детали. Последовательность же их уже утратилась в недрах нейронов моего мозга. Помню, как моей старшей сестре Вену устроил грандиозное празднование шестнадцатилетия. В Индии для девочек это знаковая дата. Наступление совершеннолетия. Не уверен, что сейчас эти законы сохранились, но в те времена с этого возраста индианки выходили замуж, и это не противоречило законодательству. Кстати, в отличие от юношей, чьё совершеннолетие наступало в двадцать один год. Я пребывал в Индии безвылазно все четыре года отцовской командировки, в отличие от папы и мамы, которые отъезжали в Союз (как принято было говорить) на время отпуска. Делали они это попеременно, дабы не оставлять меня без присмотра, так как то представляло опасность, ребёнок я был весьма активный. В первые же дни нашего пребывания в на полуострове Индостан меня определили в посольский детский сад. По возрасту как раз подходил. В школу должен был идти на следующий год. Школа была начальная, в те времена это составляло четыре класса. Далее, если родителей оставляли на больший срок служить Родине на чужбине, ребёнка отправляли в СССР. К родне или в известный на весь мир интернат МИД СССР, что располагался в Пушкино под Москвой. Оттуда вышло множество известных людей, продолживших династии дипломатов и прочих загранработников. Так вот, что касается детского сада, его воспитанники плавно перетекали в школу, которая находилась на той же территории посольского городка, буквально в пятидесяти метрах. Есть поверье: как начнёшь какое-нибудь дело, так оно и будет продолжаться, пока его не закончишь. Моё пришествие в коллектив ознаменовалось, мягко говоря, неприятным инцидентом. И закончилось довольно быстро. Из садика меня выгнали в первый же день. С детства у меня было воспитано чувство, что мужчина - опора и защитник женского пола. А когда я появился в новом для себя коллективе, на моих глазах произошло кощунство. Мальчик нагло и без зазрения совести начал отнимать у девочки игрушку, да ещё ударил её по голове этой самой игрушкой, когда всё-таки сумел её отнять. Во мне взыграли мужские чувства и я, подойдя к ссорящейся паре, резким ударом решил охладить пыл хулигана. Как-то так совпало, что удар пришёлся мальчику в челюсть. Он потерял равновесие и, отступая назад, оказался возле ступенек, ведущих вниз из беседки, где всё это происходило. Ребёнок упал, заорал с испуга и стал биться в истерике. На шум прибежала воспитательница. Началась разборка. Но моё преступление было налицо, и все объяснения, что я защищал девочку, не прохиляли. Эх, сколько ещё всего предстояло испытать мне в жизни из-за женщин! Воспитательница поставила

меня в угол. Беседка была шестигранной формы и угол был тупой, с хорошим обзором. Поэтому стоять мне было не скучно, пока вокруг шумели и выясняли детали произошедшего. А я, страдая, рассуждал о несправедливости этой жизни. Выяснилось, что мальчик с девочкой являлись братом и сестрой, а подобные разборки у них были как дело само собой разумеющееся. Однако ударенный мною брат затаил злобу и решил отомстить. Пока я стоял в условном углу, они с другом подошли и сказали, что ещё поговорят со мной при удобном случае. Случай не заставил себя долго ждать. Скоро краем глаза я заметил, что они подкрадываются ко мне сзади. Осведомлён - значит вооружён. Я сделал вид, что ничего не вижу и ковыряю ногой доски пола веранды. А когда мститель бросился на меня, я так удачно подсел, схватил его за руку, потом резко выпрямился. Эффект был потрясающий. Ребёнок полетел через меня. Заодно и через перила беседки. С довольно большой высоты навернулся спиной о землю и опять дико заорал. Я сам испугался и побежал оказывать ему первую помощь. Опять прибежала перепуганная воспитательница. Видя картину поверженного мальчика и меня, стоящего над ним, она… сами представляете, что себе вообразила. Родителям сказали, что они плохо меня воспитали. И что у них остаётся не так много времени до начала нового учебного года, чтобы провести со мной профилактическую работу. И так далее, и тому подобное. Из сада меня удалили. Зато репутацию среди сверстников я заработал авторитетную. Даже дети из старших классов, когда я всё-таки пошёл учиться, меня уважали и избегали ссориться. Уж больно эффектным получился бросок через себя. Как будто я и впрямь где-то занимался единоборствами и обладал техникой дзюдо. А с несчастными братом и сестрой мы в конце концов подружились и нормально общались долгие годы. Правда, впоследствии с девочкой произошёл ещё один инцидент с моим участием. Но то уже было позже, и мы стали старше на год. Как то на перемене она начала меня щекотать. А я всплеснул руками и попал ей по лицу, выбив два зуба. Слава Богу, они были молочными и сами должны были скоро выпасть. А вот с её многострадальным братом произошло всё гораздо хуже. На лето у нас в том же здании школы устраивали что-то вроде пионерского лагеря. Чтобы разгрузить занятых родителей. Классы освобождали от парт и заносили туда кровати, на которых у нас проходил так называемы тихий час. С утра мы плескались в бассейне, играли, рисовали и занимались обычной для пионерского лагеря фигнёй. Потом нас кормили обедом и заставляли после него спать. Кто бывал в подобных заведениях, помнят, как проходят тихие часы. Когда воспитательница ушла, мы, естественно, начали драться подушками. В шутку, как и положено. После моего удара мальчик не устоял на кровати и свалился с неё. Да так неудачно, что треснулся лицом о набалдашник на ножке. Кровать была индийская, деревянная. А для красоты в ногах были деревянные шары на небольшой спинке. Именно о такой шар он и

шарахнулся. Глаз заплыл. Прибежала учительница, которая исполняла роль пионервожатой. Чуть не упала в обморок. Вызвали скорую. И отвезли пострадавшего в больницу. Рентген показал перелом надбровной дуги. Но доказать, что упал он после моего удара, не смогли. На этот раз я выкрутился. Однако родители на всякий случай забрали меня из лагеря… от греха… мало ли что. Так и повелось. Кстати, за десять лет у меня набежало ровно десять школ. Но не подумайте, меня не из всех выгоняли. Из некоторых я уходил сам, в том смысле, что родители вовремя забирали и переводили в другую школу. А с невезучей семьёй всё в конце концов стало замечательно. Бровь юноши заросла. Прошли годы, мои одноклассники стали взрослыми. Закончили МГИМО и работали в разных странах ответственными загранработнками. Я даже наблюдал брата несколько раз в свите президента, во время телевизионных трансляций встреч глав государств. И вспоминал: а ведь я тебе, засранцу, однажды чуть голову не проломил… но не со зла ведь…

Я как специально подгадал с инцидентом в лагере. В середине июня на летние каникулы к нам приехали старшие брат с сестрой, только уже мои. Родителям было с кем оставить меня под присмотром. В учебное время они находились в интернате МИД в том самом Пушкино, для детей, чьи родители трудились в заграницах. На лето интернат старались распустить, а учащихся определить к родственникам, если не было возможности для воссоединения семей. Ведь многие родители служили государству порой в таких тяжелых условиях, что отправлять им отпрысков было порой даже опасно. В нашем случае всё складывалось по-другому. Старшие брат с сестрой, сделав положенные в таких случаях прививки, подтянулись к нам в Дели. Брат Паша вернулся к сентябрю продолжать учебные занятия, так как он был мальчик и посчитали, что пропускать год ему будет не с руки. Тогда ему будет светить армия, если не сможет поступить в институт с первого раза. А так как он пошёл в школу рано, то у него было право на ошибку, и имелась возможность до своего восемнадцатилетия пробовать поступать ещё один раз. Сестре, как девочке, было по фигу на такие замороки. Ибо служба в армии ей не корячилась и поступай - не поступай куда хочешь всю оставшуюся жизнь. Потому родители, поразмыслив, оставили её при нас. К тому же жилплощадь позволяла, так как квартира наша числилась как трёхкомнатная. В Индии комнатами называют исключительно спальни. Гостиную и прочие помещения не считают. Поэтому на самом деле комнат было пять, если рассуждать по-советски. Три спальни, большой зал и как бы прихожая, в которой помещалось два дивана, куча шкафов и зеркал. Вот как раз эту комнату вкупе со смежным залом использовали приезжающие артисты, лекторы и даже сборная СССР по футболу в качестве гримёрки-переодевалки. Благо, далее при выходе из квартиры сразу располагался упомянутый мною ранее вход в зрительный зал. В этой же

прихожей на диване ночевал и мой брат, пока три месяца гостил у нас. Сестре Татьяне, как девушке уже созревшей, выделили индивидуальную спальню. Такой же роскошью обладал и я, как старожил, наверное. У родителей, естественно, тоже имелась спальня отдельно от всех, уж себя-то грех обижать, а они являлись хозяевами жилья, хоть и временно. Дом наш был двухэтажным, улучшенной планировки, как принято говорить. Этажом ниже жил самый главный начальник посёлка - Владимиров. Папа являлся его непосредственным замом. Потому и вторая по комфортности квартира принадлежала нам. Вход был со стороны тихой аллеи, и окна наши выходили не к проезжей части, а в места спокойные, к забору упомянутого ранее дантиста-джанасанговца. С другой стороны дома также располагался подъезд с двумя квартирами, но там поселились люди рангом попроще, и окна их выходили на более шумную часть района. Подъезд представлял из себя дверь с коридорчиком, выходящим на большую террасу, обнесённую решёткой от обезьян, и с неё уже вход в квартиру и выход из кинозала. Так что если поставить раскладушки, то можно было на террасе поселить ещё взвод охраны или уложить спать ту самую футбольную команду вместе со всеми тренерами, для экономии на гостинице. Но этого никому в голову не приходило. Ибо советские дипломаты должны жить в комфортных условиях. Поэтому на террасе у нас было что-то вроде зимнего сада, уставленного горшками и кадками с растениями. За садиком и всей территорией посёлка ухаживали двое садовников. Ну, и я тоже проводил агрономические изыскания; уже в те времена я любил что-нибудь выращивать и экспериментировать с флорой. Даже пытался привить ветку от манго, воткнув её в сочный ствол банана, росшего на заднем дворе. Причём ветка долго не вяла, что вселило у меня уверенность в своих мичуринских способностях. Но в конце концов не понимающий ничего в эксперименте садовник выдернул её из банана, думая, наверное, что я просто так хулиганю. Я это так подробно описал, чтобы составилось представление о том, что я повидал в жизни различные условия. От спанья в Иркутске в раскрытом пустом чемодане до коммуналки после Индии, которая находилась на Варшавском шоссе в Москве, где мы впятером перебивались в десятиметровой комнате, снимаемой родителями в ожидании, когда сдадут в эксплуатацию дом в Чертаново, в котором была куплена кооперативная квартира.

Возвращаясь к индийскому периоду, скажу, что я очень соскучился по старшим. И встретил их достойно. Как мальчики, в тот период мы с братом были гораздо ближе, чем с сестрой. У неё период был практически пубертатный. А у нас еще ветер в голове. Потому родители сразу привлекли ее к набиранию впечатлений и стали возить по достопримечательностям, магазинам, посольским тусовкам. Возможно, не без дальних планов подыскать подходящего жениха. Мы с братом часто оставались в квартире одни. Я, можно сказать, как хозяин, ведь прожил

тут уже более года и знал всю территорию как свой карман, начал показывать всё ему. И объяснять, как положено жить у нас, у индийцев. Большой компании детей у меня на территории не было, одни малыши на пару лет юнее. Основная тусовка находилась в посольском городке, где была школа, детский сад, спортивные заведения, включая бассейн. Организовывать себе развлекухи приходилось самостоятельно. В зарослях за офисным зданием, где располагались баки для запасов воды, я соорудил шалаш. Устроил секреты и клады в банановой плантации. В общем, территорию, что называется, обжил. Всем этим я щедро поделился с братом. Сестра где-то пропадала с мамой и знакомыми. Отец, то ли с ними, то ли по служебным делам. В общем, через некоторое время нам стало скучно, и я придумал новый аттракцион. Мы сидели дома, в одиночестве, время было раннее. Я дождался, когда уйдут старшие и гордо сообщил брату:

- А вот тут у нас бар, - и указал на красивый шкафчик.

Напомню, мне тогда было семь с половиной лет. Бар был небольшим старинным шкафом с откидной дверцей. Папа запирал его красивым резным ключом, а ключ куда-то прятал. От кого он его запирал - для меня являлось неразрешимой загадкой. Мама с алкоголем не дружила. Других взрослых, кто бы мог приложиться к папиным сокровищам, в доме не наблюдалось. Я ещё по возрасту не должен был вызывать подозрения. Короче, спишем это всё на его привычку казаться человеком порядка. В то время мне и пришла в голову мысль обратить его странную привычку себе на пользу. Я хорошо изучил содержимое бара, так как он часто был открыт по вечерам. Во-первых, представления о красивой и правильной жизни советских загранработников складывались из более доступной, нежели внутри СССР, литературы, кино, которое можно было глянуть в кинотеатрах, выйдя за пределы городка. Во-вторых, тогда был уже очень популярен Эрнест Хемингуэй, который красочно описывал бары и «двойные дайкири». К тому же по должности папе было положено изучать такие журналы, как ставший в СССР чуть позже культовым, «Америка». Кстати, когда он работал в АПН уже в Москве, ему также полагался этот журнал. А я его периодически забирал из кабинета, и мы с друзьями втихаря разглядывали, поражаясь шикарной жизни в заоблачно недоступной стране. Короче, отец тогда уже понимал кое-какой толк в западном образе жизни и не «соображал на троих», а вечером после работы смешивал себе «скотч с содовой и двумя кубиками льда». А на ночь принимал «найткэп» - рюмочку горькой и крепкой настойки. Разнообразие напитков в его закромах было ошеломляющее. Как я уже описывал, он имел дипподписку. Алкоголем никогда не злоупотреблял, по крайней мере я ни разу не видел его, что называется, пьяным. Отец реально разбирался в напитках. И мог по вкусу сказать название, вплоть до того, что

виски «Белую лошадь» мог сразу отличить от «Блэк анд Вайт». Чётко знал пропорции напитков, что, «на сколько пальцев» по уровню в стакан надо наливать. И в какое время суток какой вид алкоголя принимать. Рассуждать о преимуществах шотландского или ирландского виски он мог часами. Я припоминаю единственный случай, когда мы смогли его обмануть по части алкоголя. И то это было в Москве, спустя долгое время после того, как он последний раз употреблял шотландский напиток и развёл его водой из сифона. Мы тогда в пустую бутылку из-под виски «Тичерс» налили полторы бутылки водки «Юбилейная» и преподнесли ему как оригинальную. Вот тогда он сказал: «Да, это напиток, настоящая классика, не то, что наша водка»! А когда узнал правду, то приятно удивился и признал, что по части крепких напитков мы вполне конкурентные с законодателями сего пойла. Да, ему простительно, ибо он уже с возрастом забыл вкус настоящего виски. Или же это говорит о замечательном качестве продукции Советского алкопрома.

- Бар - это где бутылки стоят? – спросил брат на всякий случай, видимо, не поверив сразу в наличие дома подобного хранилища и дёргая ручку. – А как в него заглянуть? Заперто.

Некоторое время назад к нам в дом забрался бурундук, эдакая полосатая оручая белка. Наш кот Билли, чьё имя с хинди так и переводилось, как кот, так им заинтересовался, что начал гонять по квартире, ибо для него подобная живность была ничто иное, как добыча и еда. Кот-то был полудикий бенгалец. Бурундук забрался как раз за папин шкаф-бар. И в просвете между ним и стеной сидел, перепугано крича, пытаясь своим истерическим воплем напугать нашего Билли. Кот же надеялся достать его лапой, что у него, конечно, не получалось, ибо только лапа и пролезала. Кот тоже орал и просительно смотрел на меня, как бы призывая помочь ему добраться до писклявой еды. Я, конечно, пожалел меньшего зверька. Но, пытаясь отогнать его к окну палкой, сумел слегка отодвинуть шкаф от стены и заметил, что лист фанеры, служащий задней стенкой, прикручен шурупчиками, и один из них выкрутился от времени почти наполовину. А нескольких из них и вовсе не хватало. Уже тогда мне пришла в голову мысль, что если выкрутить остальные, то можно добраться до недр бара. Единственное, что сначала в этом не было ещё нужды. А вот сейчас появилась перспектива проверить моё смелое предположение относительно того, допустимо ли добраться до содержимого бара, не нарушив целостность запоров и, соответственно, не попав под подозрение. Как говорится: «а ручки-то, вот они», ключа-то у нас не нет. Я был осведомлён, где в доме хозяйственная кладовка, в которой находились инструменты: отвёртки, молоток и прочие.

Кстати, про отвертки. С детства запомнилось. Поведаю сейчас для отдыха от основной темы. В те годы, не знаю, как в капиталистическом мире, не бывал. Но точно, что в СССР, что в Индии шурупы были исключительно с плоским пазом, под, соответственно, плоскую отвёртку. Шуруповёрты в быту точно не использовались в наших странах. Пылесосы-то были дефицитом, а обладатели чёрно-белых телевизоров считались людьми, умеющими жить. Я уж не говорю про цветные, если они тогда вообще были изобретены. И вот во время нашего пребывания на Индостане, папа по выписке купил профессиональный журналистский кассетный магнитофон-диктофон фирмы «Филипс». Это был приличного размера «кирпич» под два килограмма весом. Но дело не в его размерах. К нему в комплекте давался набор из двух отверток загадочной формы. Они были крестовые. И все винты-болты в аппарате соответственно. Тогда папа мне и объяснил, что это новое слово в шурупостроении. Западная научная мысль настолько в те времена была прогрессивной, что изобрела новшество в закручивании-выкручивании болтов, более удобное в применении. Это настолько глубоко запало в моё подсознание, что я до сих пор называю крестовые отвёртки филипсовскими. А уже в моё второе пришествие в Индию в начале двадцать первого века, я узнал полную историю и причину изобретения и применения этих отверток. А также, почему они до недавнего времени не применялись в Индии и были негласно запрещены к ввозу в промышленных объёмах. Исходя из этого самым хорошим подарком для местных умельцев был привезённый из России набор крестовых отвёрток китайского производства, которых у нас появилось изобилие. Я их оптом скупал в магазине «Фикспрайс». Недорого, а людям индийской национальности большая радость. А не пользовали подобные шурупы в такой перенаселённой стране, исходя из понимания того, что они будут являться соблазном применить шуруповёрт и механизировать процесс их закручивания. Один мудрый человек объяснил: в Индии с её населением очень много людей, живущих подённым, неквалифицированным заработком, которых неплохо было бы обеспечить хоть какой-нибудь работой и возможностью получить за это пусть гроши, которых хватит на чапати (лепёшка) и рис с далом (чечевица). И если у меня нужда прикрутить чего-либо шурупами, а они лишь под отвёртку с плоской прорезью, то я найму несколько человек, раздам им отвертки, и они за этот набор еды будут мне крутить эти шурупы целый день, но отработают свою пищу насущную и будут сегодня сыты. А если у меня есть крестовые шурупы, то я найму к ним специально обученного продвинутого чела с шуруповёртом, и он мне за полчаса всё это прикрутит за те же деньги. Съест много риса с далом, а те останутся голодными. Разве это справедливо? Сейчас Индия чуть ли не третья экономика мира, в ней наравне с плоскими отвёртками уживаются и филипсовские, однако наборы отверток всё равно являются прекрасным подарком, потому что страна

весьма консервативна. В столицах, может, и перешли на шуруповерты, а в Гоа, например, так и крутят плоскими. Но это другая история, о ней позже.

Так вот, по моему наущению мы с братом взяли по отвертке. Отодвинули шкафчик на девяносто градусов. Времени у нас было вагон, ибо родители с сестрой должны были появиться только к вечеру. Шурупов в заднем полике насчитывалось немного, так как фанера имела приличную толщину и держалась неплохо на небольшом их количестве. Они были довольно большими и выкручивались оперативно. За несколько минут мы сняли фанеру вместе с приклеенным к ней изнутри зеркалом и нашему вниманию представилась сказочная коллекция разнообразных горячительных напитков. Часть из которых были весьма дорогими. Замечу, что в тот момент я был, естественно, девственником в отношении алкоголя. Уж не знаю, как мой брат, старше меня на пять лет по возрасту и имеющий опыт жизни без присмотра родителей в интернате (хоть тот и был весьма блатным, но всё же интернатом), а тут старожилом и хозяином положения был я. Наряду с бутылками, в шкафу стояло ведёрко из серебра, которое служило для подачи шампанского во льду. Чтобы папа не обнаружил недостачу ценной жидкости в бутылках, ещё во время разработки всей операции, я задумал воспользоваться этим ведром с целью отлить в него понемножку из каждой. И попробовать, в чём же суть радости процесса пития и смакования сих божественных даров, которую замечал у взрослых. Отпивать по глоточку из каждой мне представилось неразумным, так как на третьем-четвертом глотке вкус предыдущих будет смикширован и потеряет яркость восприятия. К тому же это будет уж совсем не интеллигентно. Мы так и сделали. Буквально по бульке отлили всё, что нашли и получилось весьма немало. А учитывая наш возраст…, короче, вкус был отвратительный, состояние (не знаю, как у брата, он всё-таки был поумнее на пять лет, поэтому и глотнул меньше) жуткое. Что было потом и в течение скольких часов, я не помнил. Вспоминаю лишь, что меня трясёт брат, на улице уже темно (в тропиках рано темнеет), голова болит, тошнит и всё кружится перед глазами.

- Родители приехали они сейчас придут, - сказал он мне. – Садись за свой стол, бери книгу и читай её.

Читать я не то, чтобы не любил, но делать это по своей воле в детстве как-то нетипично. Однако другого выхода не было, я только напился воды, задавив сушняк и опустошив целый графин. Потом уселся за секретер, раскрыв книгу. Мутило страшно, в глазах всё расплывалось и казалось, что временами я отключался. В квартиру зашли старшие, я собрался и даже что-то приветственное произнёс, как бы не отрываясь от чтива.

- О, они тут читают, – сказал отец, подходя сзади. – Что за книга? Интересная?

Я, стараясь не дышать, молча закрыл книжку, показывая обложку. И только тут заметил, что она лежит кверху ногами. Я быстро перевернул книгу и раскрыл её обратно, на той странице, как было. На меня смотрела картинка охоты на акулу со старинного парусного корабля. Тот самый рассказ Толстого, который я выучил чуть ли не наизусть. Папа ещё некоторое время молча постоял сзади и отошел, ничего так и не сказав. «Кажется, пронесло», - подумал я. И тут же сообразил: а как же бар с открученной задней стенкой? Всё стояло на местах. Никаких следов нашего преступления обнаружено не было. Потом брат рассказал, что он довольно быстро пришел в себя. Попробовал привести в чувства и меня, но из этого ничего не вышло. Далее он всё поставил на места, помыл, прикрутил и придвинул. И вроде бы наше преступление прошло незамеченным. Вот такой опыт приобщения к этой отраве был у меня. Напомню, всё происходило летом, когда я только закончил первый класс. Потом, через много-много лет, в разговоре с отцом мы случайно коснулись воспоминаний о нашем пребывании в Индии. Я вспомнил этот эпизод и рассказал, как всё было на самом деле. Папа рассмеялся и добавил несколько деталей к моим воспоминаниям. Оказывается, он всё тогда понял по странности поведения и аромату, исходящему от нас с братом. И педагогично промолчал. Только до сих пор не мог понять, где мы взяли бухло? Для него стала сюрпризом наша сообразительность. Какой вывод можно сделать из этой истории? Родители, как можно дольше оберегайте детей от алкоголя! Хотя сейчас молодёжь скорее всего пошла другая, им смартфон дал в руки… и сам свободен…

К сентябрю брат уехал, а сестра осталась. Родители решили, что ей будет гораздо полезнее провести год в Индии и набраться впечатлений. Всё равно армия не светит, а только, на худой конец, замужество. Стало немного грустнее. С ней подобных афер учинить было уже (а может, ещё) невозможно. Она была правильная девочка и через год ей исполнялось шестнадцать лет.

Когда мы только приехали в Дели, я ещё не был школьником по возрасту. Тогда меня определили в посольский детский сад. Туда нас отвозил один из бусиков, имевшихся в гараже корпункта АПН, то есть нашего журналистского посёлка. В распоряжении были зелёного цвета рафик и красный фольксваген с открывающейся крышей. Последний я не любил, а предпочитал советский микроавтобус. Хотя все взрослые были от немца без ума. Во-первых, открывающаяся крыша - это в тропиках плюс, во-вторых, немецкий автомобиль - это лучше советского, а в третьих, он был дизельный. В чём заключалось последнее преимущество - я не знал, но верил на слово, что это хорошо. Однако с большим кайфом ездил на рафике. Тут была одна штука, толк в которой понимал только я. В задней части автобуса на полу находился небольшой лючок. Нужен он был, как я догадывался, для слива воды при мытье салона. Но только я

придумал, как обратить в развлечение такое приспособление. Я набирал с собой несколько газет и на ходу, аккуратно просовывая их в лючок, отпускал. Если скорость и ветерок были достаточными, то газета, распрямляясь, иной раз шлёпалась на лобовое стекло сзади идущего автомобиля. Что вызывало панику у его водителя, и тот резко тормозил. Самый интересный эффект достигался на трассе. Там и скорости были высокие, и газеты летали забавнее. В общем, я приходил от этого в жуткий восторг и получал огромное удовольствие. Мне представлялось, будто я миномётчик или стрелок из пращи, а может, лука. Но, скорее всего, ещё какого-то фантастического оружия, пока мало известного на Земле. Я тщательно рассчитывал траекторию полёта газеты с учётом порывов ветра, расстоянием до объекта и прочими премудростями. Иногда я заранее немного мочил газету. Как говорится, для большей лучшести. Иногда брал с собой воду и делал это по мере надобности в машине. Что могло быть прекраснее, если удачно выпущенная газета цеплялась за дворники и долгое время держалась на лобовом стекле заднего авто, пока её не сдувало? А если это приводило к торможению его? И мне казалось, будто мы уходили от преследования иностранных шпионов. Наша машина была для Индии диковинная, потому что иностранная, к тому же на микроавтобусе располагались дипломатические номера, что предполагало его неприкосновенность со стороны даже полиции. Да ещё и руль был не как у всех индийских машин - справа, а слева, как в нормальных странах. А белые рожи в салоне отпугивали воспитанных в почитании англичан несчастных индийцев. И они лишь иной раз подъезжали и смотрели на меня с осуждением, даже не смея нажаловаться водителю. Водитель, работающий на белых сахибов, тоже в их понимании был большой человек. А я, как ребёнок, был полностью уверен в своей неуязвимости и даже незаметности, ведь многие, наверное, ощущали такое чувство, которое даёт замкнутое пространство салона? А может, такое кажется только в детстве? Это сейчас я понимаю, что был редкостный дурак и какому риску подвергал окружающих. А тогда мне многое сходило с рук, что, видимо, имело последствия для дальнейшей кармы. Но об этом я узнал значительно позже. И как-то карма-таки настигла меня. Причём на пустом, казалось бы, месте. Учась в первом уже классе, я на переменке вышел во двор и сел на качели. Так как я, начиная с детства, был максималистом, то и раскачался по максимуму. Качели, дойдя в верхнем положении до предела, ударились в упор, от чего я соскочил с сидушки и, пролетев несколько метров, со всей дури плюхнулся на землю. Хорошо, что это была клумба. Но инстинктивно я при падении подставил руку и приземлился на неё. Боли, вроде, не почувствовал, но понял, что чего-то во мне повредилось, и как бы не так работает мой организм. Я посмотрел на руку: она почти под прямым углом была согнута в том месте, где гнуться бы не должна была. Прямо возле локтевого сгиба. Сейчас, как доктор, я

могу сказать точнее – сломаны были обе лучевые кости прямо посредине. Разгибать руку я не стал. Но перепугался, что теперь так останется навсегда. Поэтому сразу побежал к учительнице, чтобы она что-то с этим поделала. Кстати, эта учительница встретилась мне на жизненном пути ещё раз через двадцать лет. Она была секретарём моего друга и основателя страховой компании «Лукойл» Юры Цховребова. Но тогда она была молодая и впечатлительная девушка, которая, увидев руку подопечного ребёнка такой странной формы, тут же рухнула в обморок. Набежали другие взрослые, ибо я заорал, перепугавшись за неё. Вызвали скорую, которая примчалась буквально через десять минут. С учительницей всё было нормально, а вот у меня, видимо, прошёл первый шок и организм сообразил, что же с ним происходит. Мне стало невероятно больно. Врачи из микроавтобуса поколдовали со мной. Наложили временный гипс. Далее, в сопровождении пришедшей в себя училки, меня повезли в госпиталь. В Индии любая больница называется госпиталем. Как я понимаю, госпиталь этот был не самый захолустный. Не бесплатный для простого трудового народа, а хитро замороченный. По приезду меня определили в отдельную палату. Пока врачи возились со мной и бумагами для оформления, учительница сидела рядом, переводила, и ждала вызванных в больничку родителей. Ко мне подошла медсестра и спросила, какого я вероисповедания, и есть ли пожелания по символике, которую возможно предоставить. Как советский школьник (не помню был ли я тогда октябрёнком, или ещё нет), я не понял вопроса. Тогда по умолчанию мне принесли распятие и повесили на стену над головой. Видимо, решив, что я европейский ребёнок, значит, должен быть христианином. Но так как православного креста не нашлось, то распятие было католическим. Мне на самом деле вся эта суета была настолько по фигу, так как я устал от непривычных мне впечатлений, что попросился на кровать полежать отдохнуть. Мне сказали, что сейчас я посплю по-настоящему. Положили на каталку и надели на лицо маску. Далее началось странное и невообразимое действие, сопровождающееся непонятными видениями. Передо мной открылся радужный коридор, и я помчался по нему в удивительном полёте. Коридор закручивался в спираль, и тут я понял, что могу не выбраться из него. Мне стало ужасно страшно. Я попытался здоровой рукой сорвать маску, так как понял, что все эти кошмарные чудеса происходят благодаря ей. Но анестезиолог не позволил мне, удержав руку, и я улетел по этому коридору. Оказывается, в те времена общий наркоз делали веселящим газом. Я бы не сказал, что мне от него было весело, кошмарило по-взрослому. Пришёл в себя я как раз на кровати под крестом. Прибитый к нему человек печально смотрел на меня и, казалось, подмигивал. Я поблагодарил его за то, что он вернул меня в этот мир и ощутил свою руку скованной новым красивым гипсом. Я вдруг осознал, что миры бывают разными и необычными, не то, что привычный, который окружает нас в

повседневности. От этого на душе скребла какая-то невероятная тоска и даже жалость к себе. Мне показалось, что я вдруг и очень сильно повзрослел. Начиналась другая, не похожая на предыдущую, жизнь.

Так вернёмся к нашему богатому другу и папиному компаньону Вену. Когда он узнал, что у моей сестры Татьяны скоро шестнадцатилетие, то тут же загорелся устроить ей запоминающийся на всю жизнь праздник. И, забегая вперёд, скажу, что удался он на славу. Причём, с начала и до последнего мгновения действа. Не всё отложилось в памяти, делайте поправку на срок давности в полвека. Помню дорогу из Дели до Мадраса. Дорога дальняя. Не помню точно, сколько дней ехали. Но всё было рассчитано. Забронированы места ночёвки и остановок на отдых. Машин в нашем караване было несколько. Вену пригнал их из Мадраса. Сам прилетел на самолёте и тоже сел за руль своего большого американского внедорожника. Именно в нём ехали мои родители и я. Папа на переднем сидении, чтобы Вену было нескучно в дороге. Папа всегда был довольно разговорчивый. Видимо, ко мне это перешло по наследству. Мы с мамой на заднем, чтобы возможно было развалиться, полежать и отдохнуть. К тому же багажник оказался вместительным, и сиденья раскладывались в приличную постель. Я был ещё мелкий, а мама у нас изначально дюймовочка. Сестру определили так же комфортно в машине, идущей позади нас, с водителем и специально обученным человеком, который следил, чтобы у неё всё было хорошо. Далее ехал микроавтобус то ли с охраной, то ли со слугами, кто их разберёт. Похоже они совмещали обязанности. Естественно, в пути мы заезжали к памятникам истории и другим значимым местам, которыми изобилует Индия. Больше всего я запомнил манеру вождения Вену. Как бы сейчас сказали, она была немного спортивной. Но не это примечательно. А то, что он всю дорогу только ужинал. Причём, делал это обильно и не жалея свою печень. Далее поутру, просыпаясь, он ничего не ел. Лишь выпивал основательное количество кофе. Никаких масалачай или просто чай, он не признавал. Приходя в себя, он садился за руль, и мы отправлялись в путь. Руль в индийских автомобилях находится справа. Соответственно, движение левостороннее. Наследие, оставленное англичанами. Машина, как я уже упоминал, была немаленькая. Настолько, что между передними сидениями у Вену располагался холодильничек, в котором остужались бутылки с содовой, так в Индии было принято называть обычную несладкую газировку. Но очень газированную. Под креслом пассажира находилась коробка виски на шесть бутылок. В центральной части Индостана дороги тогда были неплохими. И казалось, что дорожные рабочие чётко придерживались плана строительства, на котором эти направления были прочерчены по линейке. Можно было весь день ехать, а асфальт так и уходил за горизонт по прямой, насквозь проезжая через города, деревеньки и кокосовые рощицы. Вокруг простирались поля, поля, поля. Лишь

ближе к югу начинались холмы и возвышенности, где водителю уже приходилось подключать внимание и проявлять порой мастерство. Особенно в городах. Хоть тогда машин было в десятки раз меньше, но мопеды, мотоциклы и рикши, как и сейчас, сновали везде полчищами. Наш водитель всю дорогу, с небольшими перерывами, доставал из холодильного ящика бутылку содовой, перехватывал её в правую руку, зубами срывал железную пробку и выплёскивал часть содержимого в предварительно открытое окно. Потом передавал её моему папе. Тот брал из-под сиденья ранее початую бутылку виски и немного добавлял в содовую. Далее он возвращал бутылочку Вену, и тот понемногу отхлёбывал из неё. Пока бутылка не заканчивалась. Этим он и питался весь день. Замечу, что Вену категорически не курил в салоне автомобиля. Закуривал свою неизменную сигару он только когда случалась остановка. И то он брал в губы забычкованный окурок сигары, прикуривал его и, понаслаждавшись немного дымом, опять тушил. Таким манером мы и добрались до вотчины семьи Прасад в городе Мадрас, который сейчас переименован в Ченнай. Город и тогда был огромный, столица штата и к тому же порт. При въезде нас встретили плакаты, изображающие в основном красные знамёна и серп с молотом. Подписи под ними были сделаны на тамильском языке, алфавит которого мне напоминает что-то среднее между грузинским, арабским и клинописью. Коммунистическая агитация щедро разбавлялась плакатами «фэмили плэнинг». Это креатив Индиры Ганди. Дословно переводится как «планирование семьи». Премьер-министр начала активно бороться с перенаселённостью Индии именно таким образом. Не секрет, это сейчас страна вышла на третье место среди мировых экономик, а тогда её все называли развивающейся или страной третьего мира. Миров, соответственно, было именно три. Капиталистический, социалистический (коммунистический) и развивающийся, он же неприсоединившийся. Я думаю, что на самом деле больше. Но меня никто не спрашивает. За то, чтобы страны из последнего мира присоединились к кому-нибудь, и шла борьба между первыми двумя. В Индии выигрывал СССР, причём с ощутимым преимуществом. Наша страна, затягивая Индию в свою орбиту, строила в этой развивающейся металлургические и прочие заводы, плотины, ГЭС и фармацевтические комбинаты (сейчас, кстати, Индия один из лидеров по производству медикаментов в мире, это нетрудно заметить даже в наших аптеках). Так вот, в Индии бывал даже голод, как это ни покажется странным сегодня. Поэтому задача правительства сводилась по большей части к ограничению рождаемости и темпов размножения населения. Сейчас китайцы сумели достичь в этом вопросе хороших результатов. Но не столь гуманными методами. Здесь же всё постарались разрулить добрым словом и наглядной агитацией. Придумали плакат, на котором схематично были изображены двое взрослых и мальчик с девочкой. То есть – папа, мама и сын с дочерью. Таким образом старались

донести смысл, что на этом и стоит остановиться. «Фэмили плэнинг» лепили всюду. От спичечных коробков и презервативов до огромных плакатов на зданиях (названия билборд ещё не придумали) и стойках общепита, от заставок перед началом кинофильмов до билетов на самолёты и поезда. Они преследовали человека везде. И что интересно, это дало результат… правда, ненадолго. Далее пошёл экономический рост. А восточный менталитет подсказал, что раз есть возможность прокормить, то пусть детей будет, сколько Бог пошлёт. Богов в Индии много, и посылают они от души. Кстати, уже в двадцать первом веке, когда я жил в Индии на полуПМЖ и о «фэмили плэнинг» уже все забыли, мы с женой забрались в какую-то глушь в штате Гоа. Там были развалины древней португальской крепости. Джунгли почти полностью поглотили их. И вот, на одной из облупившихся стенок, я нашёл знакомый с детства плакат. Как же я был растроган. Как будто вернулся в детство. Даже начал ощущать те запахи, которыми уже не пахнет современная Индия. Ведь даже у знаменитых ароматических палочек сейчас совершенно другой аромат. Их ведь и делают уже не вручную. И используют современные ароматизаторы, а не те натуральные масла. А может, то были уже мои глюки и «тараканы»? Кто знает, я ведь тоже сейчас совсем другой… да, не молодеем ни фига!

Если уж коснулись проблем перенаселённости, то добавлю ещё один мазок кистью для лучшего представления о «самой большой демократии в мире», как называют Индию американцы. В Индии запрещено делать УЗИ (ультразвуковое исследование) при беременности, если она протекает в нормальном режиме. Вернее, делать их допустимо по медицинским показаниям. Но оглашать результат родителям врачами запрещено под угрозой уголовного ответственности. Вернее сказать, нельзя разглашать пол плода. Был период, когда это правило отменили на какое-то время (примерно 2010-2016 год). Но потом опять ввели, и на момент написания этих воспоминаний оно действует. Дело в том, что выдать замуж дочь - дело очень расходное. С самого момента рождения девочки среднестатистическим родителям приходится копить деньги на приданое. А мальчики, наоборот, желанны, ибо на них ещё и заработать можно (шутка). Мальчик в семье - это радость и гордость родителей, каким бы он ни был. Поэтому, узнав о беременности девочкой, родители могут попытаться от неё избавиться. Аборты в Индии разрешены. Самая большая демократия всё-таки!

Когда мы кавалькадой под предводительством машины, управляемой молодым миллиардером, въехали в Мадрас, нас встретил и отдал честь полицейский. Вену открыл окно и перекинулся с ним парой приветственных слов. Откуда ни возьмись, вдруг появилась полицейская машина, заняла место перед нашей и, неистово сигналя, чтобы разогнать всех и вся, стала прокладывать нам путь в

сутолоке знаменитого индийского городского движения. При этом всё равно неспешно мы добрались до выделенного нам под проживание домика. Это была небольшая уютная вилла, как положено, с бассейном и штатом обслуги. Располагалась она в элитном районе на окраине. Ну и естественно, на самом берегу моря. Замечу, что в Индии береговая линия не может находиться в частном владении. Закон об этом гласит и нарушать его не имеет права даже такой всемогущий парень, как представитель семейства Прасадов товарищ Вену (так его, кстати, звал мой отец, что вызывало удовольствие у парня). Любой имеет право пройтись по берегу. Поэтому частных пляжей тут не бывает. И ещё есть какой-то норматив по поводу расстояния от строения до воды, построено капитальное здание может быть не ближе скольких-то сотен метров. Поэтому выход из поместья к пляжу имелся, а пляж считался общим. Хозяева выходили из положения таким образом. Когда босс собирался тут отдохнуть, слуги возводили шатёр и навесы вокруг, отгораживали кусок пляжа с линией прибоя сетками с обоих сторон, оставляя небольшой проход для простолюдинов. И сами вставали живой изгородью, провожая редких зевак, чтобы побыстрее проходили мимо. Поэтому к нам подойти было нереально. Так мы провели целый следующий день, отдыхая от переезда. Потом были бесконечные и изматывающие меня всевозможные экскурсии по местам владения авторитетной семьи. И по профилю их с папой сотрудничества. И в типографию. И на киностудию. И в какие-то торговые центры, рестораны. Короче, голова шла кругом. Можете себе представить, как нас везде встречали и кормили-поили различными ништяками, как национальными, так и из «алчного мира чистогана»? Например кока-кола и фанта, которые появятся в СССР лишь через десятилетие (я, кстати, помню первый открывшийся в Сочи завод «Пепсико» и выпускаемый им казавшийся мылистым, напиток). Особенно меня радовала занятость родителей и полное отсутствие надзора за мной с их стороны. Они строго нормировали потребление мною этой гадости дома, а тут такое раздолье. В общем, в Мадрасе с Вену мне понравилось. А через несколько дней нас повезли непосредственно в крепость-замок, где предполагалось само торжество, ради которого весь этот сыр-бор и задумывался. Самой постройке было лет пятьсот, не меньше. Часть представляла из себя развалины, куда даже водили туристов на экскурсию. Именно там, как впоследствии мне поведал отец, и снимался упомянутый мною фильм. Где практически папину машину легкомысленный миллиардер спустит с обрыва. Тут по сюжету и жила банда робингудов. Тут же была и реставрированная часть крепости, где располагались жилые помещения и несколько залов, предназначенных для приёмов и торжеств. Они были оформлены в различных стилях. От резьбы по мрамору времён Великих Моголов до английских с факелами и копьями на стенах. Вот в таком и проходило шестнадцатилетие моей сестры. Чтобы привыкнуть к новой

обстановке, нас поселили в жилом крыле. А к вечеру со всего города к крепости стала съезжаться местная знать. Я сейчас вспоминаю, что в душе мне скорее всего было приятно и распирала гордость за свою старшую сестру. Женщины-служанки порядка часа наматывали на неё расшитое золотом сари (национальная индийская женская одежда, состоящая из куска ткани длиною около двенадцати метров). Вставляли в нос клипсу из золота, от которой цепочки шли к вплетённым в волосы, золотым же, украшениям. В общем наряжали, как в Индии положено невесте. Причём весь этот реквизит в конце церемонии достался ей в качестве подарка. Я вскоре заскучал и начал носиться по доступным местам музейного строения и окрестностям. Так как территория была под бдительной охраной, родители не сильно за меня беспокоились, и я до самого вечера был предоставлен сам себе и вооружённой охране замка. У них я подержался за настоящий пистолет, понаблюдал в мощную подзорную трубу за огромными океанскими кораблями на рейде, за туманящимся вдалеке гигантским мегаполисом. В общем, дел было полно, и время проскочило быстро. Когда я вдруг понял, что проголодался, то сразу смекнул, куда надо направиться, чтобы исправить эту досадность. В зале уже дым стоял коромыслом. Утомлённая сестра находилась на пандусе во вспышках фотоаппаратов и принимала от поочерёдно подходящих гостей поздравления и подарки. Дары складывались на два больших стола, составленных вместе тут же на пандусе. В этом зале стульев и накрытых столов не было предусмотрено. Тут происходил предварительный фуршет. Столоваться предусмотрено было в следующем зале. Но жрать-то хотелось! Я нашёл стойку с бутербродами и прочими закусками, которой командовал бравый индус в тюрбане и с громадными усами. Из всех вкусностей мне самым загадочным показались прикольные штучки на зубочистках (это потом мне раскрыли их смешное название – канапе). Между двух кусочков белого хлеба был намазан слой зелёных шариков. Шарики сразу напомнили приезды к деду на волгу. Когда он выставлял на стол трёхлитровую банку с чёрной икрой. Что это деликатес, я понял срезу. Но не мог сообразить, почему такого странного цвета. Сначала мне пришла в голову мысль, что икра эта лягушачья. Потому что дед как-то упомянул, когда я не хотел в первый раз даже пробовать непрезентабельную на вид еду: «Не лягушачья же она, попробуй»! Та фраза дедушки, брошенная невзначай, так запала мне в память, что я сразу понял: вот она, настоящая лягушачья икра! Тем более, что она была такого цвета, что в моём понимании никак не сочеталось с пищевым продуктом. То есть просто изумрудной. И мне тут же подумалось, что в этом наличествует какое-то волшебство, а может, колдовство. Этот богатый индиец - некий колдун и волшебник, и он специально приготовил различные снадобья, чтобы все их съели и стали заколдованными. Нет, я не подумал ничего плохого, Вену я знал, как добряка, и поступки его

должны были нести добро, но не без элементов волшебства! Я взял на тарелку одну штучку и подошел к отцу с вопросом: «Что это? Очень похоже на ту чёрную икру, чем нас угощал деда Боря, но она заколдованная или лягушкина, это можно есть»? Отец рассмеялся и сказал, что конечно можно, тут всё можно есть, что это настоящая и очень-очень дорогая чёрная икра, причём наша астраханская (её, кстати, можно было получать по отцовской дипвыписке, но стоила она немерено), а покрашена она специально для индийского глаза, ибо чёрное кажется им несъедобным, вот они и навели ей колер специальным натуральным пищевым красителем. Тогда я пошёл обратно к стойке буфета и, не обращая внимания на стоящего за ней официанта, прихватил весь подносик с икряными канапе. Присел в углу и методично начал поедать деликатес. Вену заметил это. «Игорь так любит икру»? – спросил он у смущенного моим поведением отца. Тот в оправдание рассказал ему про то, что мы с Волги, и икра у нас всё время в СССР за обеденным столом, вот я и не понял, что тут это деликатес и очень дорогое удовольствие, и так далее и тому подобное. Вену рассмеялся и сказал, что у ребёнка хороший вкус. Подозвал кого-то из слуг и что-то им сказал на тамильском языке. Через несколько минут ко мне подошёл официант в золочёном жилете на белую рубашку с подносом, уставленным открытыми банками - «шайбочками» голубого цвета со знакомой каждому советскому человеку (скорее, по кинофильмам) надписью: «Black caviar», то есть наша астраханская чёрная икра осетровых рыб и чайной ложкой. А на второй тарелке лежал белый хлеб и индийские лепёшки роти. Но они мне не понадобились, да и хлеб при таком количестве икры уже шёл для проталкивания её внутрь. В общем, и этот вечер удался.

Празднование продолжалось да полуночи. Я раскапризничался после обильного ужина и ярких впечатлений. Меня увели спать. А вечер продолжался без меня. Когда разъехались гости, этого момента я не дождался. Следующий день мы отдыхали и разбирали Татьянины подарки, которые я почему-то называл приданным. А через день Вену посадил нашу семейку в свой небольшой пассажирский самолёт и отправил в Дели. В аэропорту нас встречал мой любимый зелёный микроавтобус РАФ, так как в легковую машину столько багажа влезть ни за что не смогло бы. Да и Рафик был битком от подарков сестры.

Расскажу немного о самом любимом и обжитом русскими людьми штате Индии - Гоа. Сейчас я, зная под сотню гоанцев или как у нас принято себя называть, гоанов, которые проводят на западном побережье Индостана кто полгода, а кто и не вылезает оттуда, особенно с учётом пандемии коронавируса, которая некоторых застала на чужбине. Да так, что они выехать оттуда не могли (или не хотели) в течении двух с половиной лет. Я много трудов написал об этом штате.

Ибо сам прожил там восемнадцать лет. Точнее сказать, что приехал я туда в 2004 году в гостиницу на пару недель. А уехал окончательно в 2022. Правда, торчал (как забытая клизма) там в разных смыслах этого слова я не безвылазно. Первые годы продлевал визу, как мог, в ближайших странах. Потом начал учиться на Тайване и ездил на несколько месяцев туда в летний период. Пока в тропиках свирепствовал сезон муссонов. Далее решил, что и в России неплохо в тёплое время года, к тому же тут я уже начал пользоваться популярностью как доктор акупунктуры. Но всё началось более полувека назад. Без скромной ложности могу признаться, что на данный момент на земном шаре нет здравствующих россиян, которые побывали бы в штате раньше меня. Не могу судить точно, но есть у меня подозрение, что идею посетить Гоа подкинул папе Джон Леннон с Йоко Оно. Ранее я писал о посещении ими нашего культурного центра и папиной тусовке с ними. Ну, и мне немного досталось приобщиться к легенде и покупаться в лучах его славы. Как впоследствии рассказывал отец, Гоа тогда только-только был освобождён от португальских захватчиков. Но ООН не был признан Индийским. Эта международная контора считала будущий штат заморской территорией Португалии. Но Правительству Индиры Ганди так не казалось. И этот, по тем меркам захолустный уголок Индии, стал привлекать внимание иностранцев, ищущих просветления (кто как его понимал). Хиппи и прочий свободный от условностей народ потянулся туда проводить сухой сезон. Так как в Европе и Америке было прохладно. А здешний климат напоминал лето средней полосы России, если не теплее. Несколько слов об истории штата. Хотя изложить лаконично довольно трудно, ибо она настолько богата, что достойна отдельной книги. Кстати, в моей нетленке под названием «Гоа: инструкция для тех, кто устал жить по инструкциям», которую я наваял по заказу издательства ЭКСМО ещё году в 2016 (дату могу путать), есть большая глава, посвящённая историческим событиям, произошедшим на той территории, где сейчас расположен Гоа, в течение пяти последних веков. Изначально тут жили народы, являющиеся потомками хараппской цивилизации. Той самой, что ещё до нашей эры построила первые госпитали и была весьма развитой. Настолько, что по некоторым фактам, таки погибла в результате чуть ли не атомной войны. Поэтому местный язык конкани, будучи древнее, лёг в основу санскрита, на котором написаны эпосы и старинные трактаты, в том числе и по аюрведе. Потом пришли арии. Немного преобразовав религию индуизм, они здесь прекрасно обосновались. Далее землю эту захватили арабы. С точки зрения логистики, место было весьма удачным. Мимо проходили морские пути в разные стороны света. Здесь был невольничий рынок, а также торговали привезёнными с противоположного берега, то есть с Аравийского полуострова, скакунами. Отсюда корабли ходили и в Африку, и в Индокитай, и к берегам Японии. Кстати, остров Бали, что находится довольно далеко от Индии и окружён другими

островами, населёнными последователями ислама, также чисто индуистский. И индуизм пришёл туда именно отсюда, с западного побережья Индостана. Причём индуизм там истинный, не преобразованный ариями, которые были кочевниками и выходцами с тех земель, где ныне расположено государство Иран. Они путешествовали с коровами и питались их молоком. Потому-то у них корова была кормилицей и убивать, а также есть её, запрещалось. Теперь и в Индии корова священна и неприкасаема. А на Бали индуисты едят и говядину, и свинину, и вообще все, что только можно. Потом португальцы облюбовали устье реки Мандови. Где уже стоял мусульманский город, который теперь называется Панаджи и является столицей штата. Португальцы воспользовались моментом, когда арабский гарнизон отсутствовал и ворвались в крепость, потому что там были только женщины с детьми и старики. За ночь они вырезали шесть тысяч человек и установили тут своё правление. Которое продлилось пять веков. По мелочи туда совались и голландцы, и ещё какие-то бельгийцы. И даже англичане по привычке хотели всё подгрести под себя. Но с португальцами английские подлости не прохиляли, ибо не на тех нарвались, типа сами ещё не так умеем. При португальцах стали зажимать все присутствующие здесь и уживающиеся между собой религии, чтобы насаждать христианство, а именно, католицизм. Ислам извели полностью, потому ныне это самый не муслимский штат Индии, хотя поклонники Аллаха потихоньку осваивают этот край. Приезжие попы начали крестить народ и, соответственно, давать им свои имена. Дав распространение среди местного населения португальским фамилиям. Но самая популярная - это Де Соуза. У меня больше десятка знакомых из разных семей, которые носят именно её, при этом не являясь родственниками. Так они и продержались тут до середины пятидесятых годов прошлого века. Индия, не договорившись о мирной передаче территории, полностью блокировала этот кусочек земли и по железнодорожным путям, и с моря, и по суше. В Гоа находился гарнизон, военно-морской порт с флотилией и военный аэродром, который был срочно возведён в считанные месяцы с целью навести хоть какой-то мост с внешним миром. Тут разместили до кучи несколько эскадрилий истребителей и самолётов обслуживания. Конечно, для индийцев этот кусочек земли был как бельмо на глазу. Добровольно португальцы его отдавать не собирались, к тому моменту сама метрополия уже зачахла и колоний имела раз-два и обчёлся. Поэтому судорожно пыталась сохранить имеющееся. Ещё в 1955 году индийцы организовали вроде как мирные демонстрации в пользу возврата штата под индийское правление. Демонстранты даже водрузили флаг Индии над крепостью Терраколь, что на самом севере. Произошла перестрелка, где погибли индийские студенты и мирные граждане. Тем временем португальцы срочно раздавали желающим жителям паспорта. Чтобы Гоа выглядел не как колония, а как заморский анклав. В начале шестидесятых тогдашний правитель

Индии Джавахарлал Неру не выдержал и объявил об аннексии земель, введя войска. Сопротивление было недолгим. Португалия подала в международный суд, суд встал на её сторону. Но Неру было это по фигу. Он объявил, что желающих готов отпустить на все четыре стороны и дал им время на сборы. ООН до 1974 года так и не признавала Гоа территорией Индии и упорно считала его португальским. Как это знакомо россиянам! Но то уже не имело значения. Потому в конце шестидесятых - начале семидесятых Гоа в понимании многих был не совсем Индией, а такой полу-европой в тропиках. Вот сюда и потянулись дети-цветы. Сюда приехал и благословил на создание эдакой хипповской резервации сам Джон Леннон со своей женой Йокой. Похоже, он и нашептал моему папе, что жить и работать в Индии и не побывать в таком прекрасном месте, как заповедный штат, было бы преступлением перед своей биографией. Вот мы и вняли его совету.

Не скажу точно, какой это был год. Скорее всего, 1971 или же 1972. Но то и не важно для истории. В Гоа время течёт по своим законам. По крайней мере тогда текло. Там раньше десятилетиями ничего не менялось. Но сейчас совсем другое дело. Я помню суету которая царила перед поездкой, так как добираться туда было непросто. И думали, каким манером это сделать. В самом штате представительств и консульства СССР не предусматривалось, там мы не занимались ни строительством, ни торговлей. А понятие «туризм» в СССР имело своё сугубо внутреннее значение. От Дели ходил поезд. Он шёл через всю Индию в южный город Тируванантапурам. Я долго учил название и в конце концов выговаривал его без запинки. Потому что с городом этим я был знаком, мы в нём уже побывали какое-то время назад. Как раз в нескольких десятках километров от него находится самая южная точка страны, в которой сходятся три различных водных стихии: Индийский океан, Аравийское море и Бенгальский залив. В это трудно поверить, но все три этих части Индийского океана имеют различный оттенок воды. Сейчас, говорят, этого эффекта уже не заметно. А полвека назад у местных торговцев был такой бизнес: они рассыпали по пакетикам разного цвета песок (якобы цвет воды зависим именно от оттенков песка) и продавали набор как сувенир. Типа, вот, побывал на этой знаменательной точке и сам себе набрал. Не так давно, разбирая наследство, подержал в руках сию реликвию. Поезд этот имел остановку на какой-то мелкой станции, даже не в столице штата, а в нескольких десятках километров от города. Был ещё вариант приехать в Бомбей, где находилось представительство, и оттуда добираться на ведомственной советской машине шестьсот километров до бывшей португальской колонии. Дело в том, что советскому человеку путешествовать по Индии было запрещено без заранее определённого маршрута и без соответствующей охраны. В любой не социалистической стране действовали разведки разных стран. Наши против

капиталистических, они против нас. Там же и вербовали сотрудников из посольств, специалистов. Вот почему я упоминал, что к Вену в Мадрас мы ехали колонной автомобилей. В одной из машин были «специально обученные люди», как потом рассказывал отец, из индийских спецслужб, которые по договорённости с нашим посольством оберегали нас. Помню, даже выходить в город в одиночку было запрещено без уведомления ответственных людей. Когда выезжали, то делали это группами. На что моей маме порой было начхать, и она через задний двор выбиралась иногда прогуляться по магазинам. Но это были единичные случаи. Был у отца сотрудник по фамилии Лисицын, я очень хорошо её запомнил (детская психика иной раз фиксирует такие моменты, которые помнятся всю жизнь). Так вот, он с группой товарищей уехал в город на шоппинг. И исчез. Его ждали, ждали. Потом подали заявление в полицию. Наш штатный «глаз» связывался с индийскими органами. Через какое-то время полиция отчиталась, что скорее всего он подвергся нападению с целью ограбления и так далее. Формулировку записали: пропал без вести. Жена его уехала в Москву. Его помянули. А через несколько месяцев в какой-то газете США появилась статья, которую нам прислали диппочтой. В ней рассказывалось об успешной операции ЦРУ по вербовке советского загранработника. А после выполнения им задания эвакуации в США из Индии. И прилагалась фотография нашего соседа и папиного заместителя. Был ещё случай, когда загадочно погиб (так официально сообщили) фотограф из отцовского отдела. Он отправился на съёмки ГЭС, которую советская страна построила недалеко от Дели, и пропал. По официальной версии сорвался в бурный поток. Тела не нашли, как объяснили в полиции, далее по течению находится заповедник крокодилов и искать большого смысла не имело. Естественно, после случая с Лисицыным всем подумалось об одном и том же. Но наш штатный кагэбэшник категорически отрицал идентичность ситуации, естественно, к его словам народ отнёсся с недоверием, как я подслушал во время ежевечерних посиделок взрослых на полянке. Тогда это был шок для всех. Оказывается, мы каждый день виделись и плотно общались с американским шпионом.

Поэтому отдохнуть и посмотреть Гоа собрали небольшую компанию и тщательно выбирали способ добраться и метод передвижения по штату. В конце концов остановились на прямом перелёте, а автотранспорт со «специально обученными людьми» прибудет к самолёту из Бомбея. Рейс в Даболим (так называется посёлок, в котором находился аэродром) был только с пересадкой в том самом Бомбее. Самолёт оттуда летал один раз в неделю и был это небольшой винтовой «Дуглас». Почему-то в Индии эта марка была очень популярна в те годы. У меня до сих пор есть брелок с игрушечным самолётиком, подаренным на борту во время полёта. Помню, что добирались мы как-то очень долго. Несколько часов летели из Дели до западной столицы Индии. Там нас встретили люди из

представительства, поселили у себя. Мы провели у них не одну ночь. Днём нас возили по достопримечательностям. А вечером непременный ужин в различных ресторанах. Наконец, вылетели в Гоа на дребезжащем аппарате с пропеллерами. Сейчас самолёт из Мумбая (новое название Бомбея) летит минут сорок. Тогда же мы добирались, казалось, целую вечность. Я был любознательным ребёнком. И мне на всю жизнь запомнилось то путешествие. Особенно, как лётчики, не устояв перед обаянием белого пухлого ребёнка, пустили меня в кабину. И несмотря на протесты родителей, посадили в кресло пилота, дав подержаться за штурвал. Кстати, командир был англичанин. Мы много по каким задницам мира лазили в Индии, но такой дыры никто себе представить не мог. Взлётно-посадочная полоса оказалась сделанной из утрамбованного камня, вернее, из породы, содержащей железо, ржаво-коричневого цвета. Поэтому самолёт немного проскользил боком по полосе. На самом деле это был военный аэродром с положенной ему командной вышкой, рулёжками и стоящими вдоль них боевыми МИГ – 21. И какими-то лёгкими, похоже американскими, вертолётами. Здания аэровокзала не было. Стоял бамбуковый сарай, крытый листьями кокосовой пальмы. В нём располагалось всё связанное с гражданской авиацией. Тут тебе и стойка регистрации, и прилёт, и выдача багажа прямо с подъехавшего от самолёта джипа. Люди, пришедшие встретить пассажиров, рикши, готовые отвезти вас хоть на край света, торговцы водой со жбанами из нержавейки, в которых плавали лепестки роз и ещё каких-то цветов, с такими же нержавеющими стаканчиками, какая-то стрёмная еда на разносах у чумазых мальчишек и так далее. Европейцев, кроме нас, не было никого. Потому люди в форме сразу оттёрли от нас любопытствующих местных, которые видом своим несколько отличались от привычных индийцев. Местная полиция была осведомлена относительно нашего прибытия. Нас проводили за отдельную отгородку в углу сарая и принесли ящик с содовой, чтобы мы удовлетворили жажду, пока не прибудет встречающий нас микроавтобус. Он не заставил себя долго ждать, и мы, усталые, погрузились в него под сопровождение полиции и местных зевак. Везли нас долго по какой-то грунтовой дороге, лавируя между повозок, запряжённых волами и велосипедистов. Мотоциклов практически не попадалось, видимо, здесь это была ещё роскошь, а не средство передвижения. Мы пересекли несколько рек и речушек, что было в диковинку для нас, ибо с водой в том регионе, где жили мы, её не всегда хватало. Тут же она была в изобилии. И реки оказались довольно широкими, что напомнило мне о родном Поволжье. Только мосты тут выглядели чахлыми и опасными в отличие от гордости города Саратова. Далее дорога упёрлась в широчайшую реку: «ну, точно индийская Волга», -сказали мне родители. У берега стоял небольшой пароходик и жутко дымил сизым выхлопом. На палубу можно было заехать по откидному трапу, что уже и сделали

несколько повозок, военный джип и двухколёсные средства передвижения. Мы тоже пристроились у борта, что повергло меня в дикий восторг. Ещё ни разу в жизни мне не приходилось форсировать реку на машине, стоящей на судне. Катерок этот родители обозначили как «фарибот», что по-русски означало – паром. Паром отвёз нас из столицы штата в северную его часть. Тут цивилизация прекратилась окончательно. Асфальта не было даже в помине. Как объяснил позже специально обученный человек, приставленный к нам в качестве гида, асфальт в Северном Гоа пока не положили. Транс-индийское шоссе, где он присутствует, проходит на значительном удалении от береговой линии, а здесь одни посёлки, деревеньки и португальские крепости различной степени сохранности. Есть военные объекты и начали появляться иностранцы, которые надумали замкнуться в себе и уйти от соблазнов и пороков цивилизации. Здесь тихо, дико и лучшее место для отшельников. Мы какое-то время ехали через джунгли по прорубленному просёлку, пока не выбрались к берегу Аравийского моря. Там нам был обещан отель, но тогда мы даже не могли и в фантазиях вообразить, что он из себя представляет. Когда мы, наконец, доехали до гостиницы, оказалось, что изначально это крепость, которой около пятисот лет. Она была сложена из огромных, отесанных прямоугольных камней. Вся Индия стоит на плите из железной руды. И из этого материала строилась практически вся цивилизация на полуострове. Но в других местах хотя бы облицовка была разнообразной. Тут же все дома сложены из железняка и ничем даже не оштукатурены. Номера, обустроенные в помещениях, некогда предназначенных под склады и казармы для гарнизона, не отличались комфортом. Но самое запоминающееся заключалось в том, что часть этой крепости, то есть гостиницы, являлась тюрьмой, причём действующей. Форт был так расположен, что одной стороной выходил на морской скалистый берег, а другой - на обрывистый берег реки Мандови. С третьей стороны опять же был обрыв, внизу которого виднелись водные болотистые пространства, поросшие мангровыми зарослями. Получалось, что крепость-гостиница-тюрьма стояла на выдающемся в водные пространства мысе-полуострове, сама вершина которого венчалась белоснежным маяком. Таким, как рисовали в иллюстрациях к пиратским и романам. Ночью там жгли огонь, свет от которого усиливался зеркалами и огромными линзами. Тут-то я понял, что это мы удачно заехали. Более романтической обстановки я в свои годы даже не представлял. Вечером мы прогулялись вокруг этого уникального навигационного сооружения, нам показали, как оно работает и какой это труд, поддерживать сию работу. Сверху открылся потрясающий вид на реку и расположенный на противоположном берегу городок Панаджи или, по-португальски, Панджим. Это и сейчас столица штата Гоа. Романтизм усиливался тем, что стационарного электричества в гостинице-тюрьме-крепости-маяке не было. Во дворе стоял армейский

грузовичок с генератором и активно тарахтел, вырабатывая ток. Тусклые лампочки ритмично мигали, но силились осветить хотя бы чего-нибудь вокруг себя, оставляя лишь желтое пятно на земле. В камере-номере было совсем интимно, дымилась склянка с копрой кокоса, Как объяснили служащие, это необходимо для отпугивания москитов. Стояли подсвечники и даже керосиновая лампа. После ужина я вырубился в нашей полу-келье, полу-номере без кондиционера и с решёткой на окне под шум небольших волн, бьющихся о стену каменной башни, в которой был расположен номер. Утром, после завтрака с креветками и омарами (я запомнил слово, потому что омаров видел первый раз в жизни и сначала испугался, думая, что такой большой рак не может быть съедобным, да и название слышал впервые), к нам пришёл человек, чью фамилию я тоже запомнил. Она так загадочно и смешно звучала, особенно когда он сам произносил её. Вернее, то величие с которым он говорил, вызывало улыбку – Альбукерке. Человек этот напомнил мне чёртика. Далее он объяснил, что будет нашим гидом. И является потомком известного португальского мореплавателя и государственного деятеля, род которого прославился ещё пять веков назад. Первая наше экскурсия станет пешей и будет являться продолжением вчерашнего вечернего поверхностного осмотра той достопримечательности, в которой мы остановились на ночлег. Персонал гостиницы, видимо, описал ему все наши шаги накануне. Мы пешком поднялись опять на маяк. Уже в свете дня рассмотрели действующие помещения для хранения запасов еды и воды. Пообщались с солдатами, расквартированными в форте и охраняющими заключённых тюрьмы, находящейся ниже. Поглазели через военную оптику на город за рекой и окрестности, острова и рыбаков. Потом спустились по крутой каменной лестнице и обошли галерею с камерами узников. Когда я читал в будущем «Графа Монте-Кристо», то именно эти картины всплывали в моей памяти.

Если уж речь зашла о романе Дюма, то к месту будет напомнить, что аббат Фариа, сокамерник главного героя, своё состояние, которое передал Дантесу, сколотил именно в этих местах (может, как раз моё подсознание и сопоставило эти обстоятельства). А проще говоря, награбил на благодатной гоанской земле и вывез в Европу. Он подрядился тут миссионерствовать и неплохо поработал, судя по накопленному. Но да Бог с ними, этими европейцами. Гид Альбукерке проводил нас вниз, так как мы действительно устали забираться и спускаться по историческим галереям и переходам. Он пообещал на следующий день сюрприз в виде поездки в заповедник реальных экзотических европейцев.

Отец по старой журналистской привычке многие события фиксировал. Фотографий той поездки не сохранилось, причину я даже не знаю. Но он много записывал и использовал свою недавно приобретённую игрушку – диктофон

«Филипс». Потом, уже в Москве, спустя десятилетия он разбирал материал. И даже набросал эссе из собранного, собираясь опубликовать большую книгу по Индии. Я тогда вдруг решил продолжить династию и поступать на факультет журналистики. Поэтому приобщался к архиву, слушал немногочисленные кассеты с хрипящими записями, читал его рукописи и помогал систематизировать. Видимо, это и освежало мою память. Но как ни крути, она становилась всё более и более фрагментарной с течением времени. Поэтому я иной раз вижу чёткую картинку события, как, например, наша поездка в гости к Индире Ганди. Помню, как мы были с сестрой и ещё группой посольских детей. Как стояли вокруг неё и фотографировались. Но другие детали уже стёрлись из памяти. Поездка же в Гоа запечатлелась и сохранилась более полно. Так как позже, когда я сюда приехал и остался жить в двадцать первом веке, то, навещая Москву, лихорадочно выискивал в доставшихся мне в наследство папиных записях всё, что можно было использовать как материал для написания уже моих книжек. И потом, когда я ездил и бродил пешком по местам, где бывал полвека назад, многое возвращалось в оперативную память моей головы.

Сосредоточение европейцев, а это были в основном хиппи, локализовалось деревенькой Анжуна и близлежащими Вагатором, Чапорой. Их было несколько коммун. И некоторое количество одиночек-отшельников. Другая группа облюбовала себе далёкий посёлок Арамболь. Но туда подались совсем отчаянные персонажи. Ибо добираться в те места было, как сейчас сказали бы, квестом. Во-первых, приходилось в посёлке Сиолим переправляться через реку Чапора на фариботе. Но он был не моторизованный, а на ручной тяге. То есть через реку были натянуты канаты, к которым прикреплялся плот. И люди тянули его за эти канаты от одного берега к другому и обратно, преодолевая течение реки. А оно время от времени менялось на противоположное. Обычно вода текла в сторону моря, как и положено рекам. Но во время прилива разворачивалось и шло от моря вглубь суши, вспять нормальному. К тому же бывало очень бурным. Далее располагалась дамба, идущая через мангровые заросли, по которой можно было выехать к тройной развилке прямо в джунглях. На перепутье одна колея уходила налево к морю, другая правее. Португальцы свои поселения строили на удалении от моря. По словам гида, жить в период муссонов возле берега могли лишь туземные рыбаки. Шторма, ветра, наводнения и жуткая влажность не для благородных людей. Жители посолиднее забирались дальше. На расстоянии в десяток километров от берега уже было полегче переносить невзгоды влажного периода. Тут и основали крупные посёлки и городки. Архитектура довольно сильно отличалась от привычной индийской. Больше она напоминала латиноамериканскую. С черепичными крышами из обожжённой глины и маленькими окнами, чтобы предотвратить теплообмен во время жары, крыльцами-беседками со скамейками и большими колодцами во дворах,

обложенными всё тем же камнем-железняком. Ещё что меня удивило и порадовало, так это большие рыбины и огромные лягушки в колодцах. Ещё в крепости, в колодце у её основания, я заметил их. Пристал к взрослым с расспросами и мне объяснили, что живность запускают специально для очистки воды. Чудеса.

Так как мы предупредили, что за имеющиеся у нас дни должны досконально оглядеть окрестности с упором на заповедник хиппи, то Альбукерке решил устроить экскурсии в оба места их обитания. Но успеть всё за один день было невозможно. И расстояния большие, и была опасность застрять на переправе через реку Чапора, так как она действовала только до девяти часов вечера. А остаться на той стороне было бы совсем грустно, ибо ночевать тогда придётся в машине в джунглях или на берегу. На той стороне с цивилизацией было, как я писал, совсем глухо, от слова - никак.

В Анджуне, а может, то был и Вагатор, точно сейчас не скажешь, мы спустились к берегу и заметили целый лагерь шалашей из бамбука и пальмовых листьев. Между ними виднелись очаги с обгорелыми корягами. Некоторые люди разного пола спали на циновках прямо на песке, накрывшись цветастыми тряпочками. Кто-то уже сидел и дымил трубкой. Увидев нас, они оживились, стали звать товарищей, а те начали выползать из шалашей. Я первый раз в своей жизни видел такое количество абсолютно голых людей. И они ничуть не стеснялись нас, пришельцев. Стали подходить и разговаривать с нами, причём на очень хорошем английском языке. Наши не сильно растерялись, видимо, были готовы к такому развитию событий по инструкциям гида или ранее читали об этом. Но меня никто не предупредил, и я был в шоке. Тем более, видел голых людей обоих полов одновременно только в саратовской бане. И то это были мои родители, когда мы туда ходили в семейный номер. Взрослые же вроде как даже пообнимались друг с другом. Что-то пацифистское высказали относительно войны во Вьетнаме. Слышались возгласы типа: «О, совиетико… комъюнизм… хорошо». Когда какая-то женщина взяла меня за руку и повела к тлеющему костру, где уже сидели кто-то из наших и их чем-то угощали, я чуть не лишился чувств. Потому что тётя была не просто голой, она ещё и держала на руке малыша, который сосал грудь. Потом я немного освоился, но всё равно во время пребывания нашей делегации в лагере хиппи сидел, стараясь не поднимать глаз. Хорошо, что среди них не было моих сверстников, представляю, что бы случилось, если бы советского ребёнка в шортах и майке взяла бы за руку голая ровесница! Хиппи, обрадовавшись тому, что мы из Советского Союза, стали обсуждать вопросы построения коммунизма во всём мире и быстрейшего прекращения империалистических войн, постоянно дымя то самокрутками, то коллективно большой трубой, передавая её друг другу. Наши сначала гордо

отказывались, но, наконец, попробовали, долго потом откашливаясь под одобрительный смех хиппарей. Далее началась торговля, вернее, это можно было скорее назвать обменом. Наши притащили из машины ящик виски, несколько блоков американских и индийских сигарет, ещё какую-то еду в упаковках. Те в ответ давали ракушки, поделки из перьев, дерева и тряпочек. Все были навеселе, и день проходил незаметно, так как общение с местной публикой разбавлялось купанием в ласковом море и валянием на песочке. Только не для меня. Я настолько был не в своей тарелке, что мечтал о том, как бы этот день побыстрее закончился, и я мог оказаться в нашем уютном тюремно-гостиничном номере. Пожрать, наконец, какой-нибудь серьёзной еды, а не эти сушеные кокосовые чипсы и папайю. Наконец, и взрослые устали и общим решением договорились завершить нашу научную экспедицию и вернуться в цивилизованный отель. А на следующий день была запланирована ещё одна поездка к таким же сумасшедшим, только чёрт-те куда, в какой-то далёкий Арамболь. И также на весь день. Радовало лишь, что будем переправляться на плоту через реку, что меня жутко интриговало. Приходилось терпеть прихоти взрослых, таков удел детей. До определённого возраста.

Поездка следующего дня была и правда веселее, но значительно утомительней. Мы встали ещё до рассвета. Позавтракали и набрали несколько коробок с едой и питьём в автобус. Уезжали опять же затемно. После форсирования реки с использованием парома на ручной тяге, наш бусик выбрался к тройному перекрёстку. Гид сказал, что сначала мы поедем по хорошей дороге, которую прокладывали для военных. А обратный путь проделаем вдоль берега просёлком мимо рыбацких деревень. Название одной из которых я запомнил навсегда. И это было знаком свыше. Мог ли я тогда хотя бы предположить, сколько всего будет с ним связано в моей жизни через несколько десятков лет. А звучало оно смешно и трогательно – Моржим. Несколько часов мы тряслись по гравию через скалистые холмы, проезжая возле радиолокационной станции, как поведал Альбукерке, упорно строя из себя экскурсовода. И, наконец, выехали к арамбольскому католическому храму. Красивое и звучное название рисовало в воображении что-то фундаментальное. На самом деле это была небольшая деревня, но, так как в ней присутствовала церковь, её уже стоило называть посёлком. Дальше невнятный просёлок спускался к морю и упирался в песок берега. Здесь были одни рыбаки. Они и указали нашему гиду, куда идти к резервации европейцев. Сам он, похоже бывал тут не часто, если вообще не впервые. Местный показал, что надо пробираться вдоль скал по тропе, идущей возле кромки прибоя. Целью путешествия было добраться до самой главной святыни хиппи в Гоа - дерева баньян. Там побывал сам Джон Леннон и благословил эту землю на создание хипповской республики. Весть про пришествие сюда патриарха новой субкультуры разнеслась по всему миру,

приобщающемуся к ней. Как видите, дошла она и до советских людей. Центром этой свободной коммуны и должно было стать то самое дерево. Сам Леннон побывал тут совсем недавно, о чём свидетельствовал плакат с изображением ливерпульской четвёрки, наклеенный прямо на каменную изгородь храма. Ну, это мы так решили, хотя то могло быть данью поклонников группы «Битлз». По крайней мере, никто из рыбаков такой фамилии не слышал, что за четыре волосатых мужика изображены на постере, тоже не могли сказать. Об этом упомянул наш Альбукерке, пересказывая тему своего общения с аборигенами.

Пешая часть экспедиции длилась недолго, не больше получаса. Мы карабкались по узкой тропе. Справа располагалась стена скалы, слева обрыв, где внизу бились о стену волны, иной раз обдавая и нас. Скальные столбы торчали из воды, напоминая, что срываться вниз означает разбиться на смерть. Вдруг выше тропы мы заметили жилища. Они казались как будто прилепленными к стене на очень ограниченном горизонтальном пространстве. Строения представляли из себя знакомые уже полу-шалаши – полу-сарайчики. Стены были набраны из бамбука. Ветер гулял внутри, свободно сквозя через щели. Сверху нагромождение листьев кокосовой пальмы. Время было раннее. Хиппи мирно сопели внутри. Вдруг, как по мановению волшебной палочки, тропа оборвалась, и мы спрыгнули с небольшой высоты прямо на песок симпатичного пляжа. Он представлял из себя узкую полосу между морем и озером, уютно разместившемся среди скал по бокам. Сначала мы решили, что этот отдельный водоём образовался из-за прилива. Уже потом, купаясь, мы выяснили, что вода в нём значительно более пресная, хотя и чувствовался привкус соли. Озеро подпитывалось небольшой речкой. На вид она была вполне пригодна для питья, как минимум, если подвергнуть её термообработке, тропики всё-таки. Вода была спокойной, видны были небольшие рыбки у берега. А если замереть и не двигаться, сидя в воде, то рыбки эти начинали щекотно покусывать твою кожу, видимо, она служила им пищей. Сначала наша компания поделала немного этот пилинг и решила искупаться в море. Благо потом можно будет обмыться пресной водой вместо душа. Другие пляжи в Гоа такой роскоши были лишены. В самый разгар приёма ванн, на пляж стали подтягиваться откуда-то вылезшие белые люди. Основная их масса была, естественно, голой. Здесь нас встретили ещё более радушно, похоже, сказалась большая удалённость от цивилизации. При упоминании имени Леннона и святого Баньяна, береговые жители закивали и сразу согласились проводить нас к нему. Мимо озера за скалу в сторону от моря вела ещё одна тропа. Далее она уходила в непролазные джунгли и тянулась вдоль большого ручья. А может, маленькой речки. Здесь пахло лесом и прелостью. Нам попался родник, вода которого струилась прямо из горной породы в большую рукотворную каменную чашу. Рядом стояла ещё одна поменьше. По краю второй была грубо выбита надпись на английском языке:

«Если можешь - положи, если нуждаешься - возьми». Мы, естественно, насыпали в неё пригоршню мелких рупий и пайсов (пайса - индийская мелкая монета того времени, по аналогии с русскими деньгами - копейка). Как сейчас помню, в те времена доллар стоил восемь рупий тридцать четыре пайсы. Кстати, когда на обратном пути мы наполняли фляги ключевой водой, монет во второй чаше не убавилось визуально. Хотя народ тут шастал постоянно, ведь это был главный источник пресной воды на всю округу. Тут же, возле ключа, скальная порода перемежалась пластом белой чистейшей глины. Рядом на камне стояла и сохла, видимо, с вечера вылепленная из этой глины посуда, в основном горшочки. Мы прошли дальше. Тропа резко поднималась в гору. Мы следовали ей, и буквально через пятьдесят метров нам открылась ровная площадка с небольшим храмом Бога Шивы. Она гармонично вписывалась между корней и стволов дерева баньян. В Индии это дерево является святым и пристанищем Господа Шивы. Оно относится к семейству фикусов. Паразитирует на других деревьях. Птицы едят ягоды, далее с помётом семена попадают в складки на деревьях, прорастают в дуплах и углублениях на высоте. Потом корни начинают свисать вниз и, достигая земли, прорастают, становясь со временем стволом. Стволы срастаются и переплетаются. Порой трудно понять, где заканчивается один и начинается другой. Со временем дерево, на котором пророс баньян, гибнет, а сам он разрастается, становясь целой рощей. В центральной Индии имеются баньяны площадью по несколько гектаров и возрастом тысячи лет. Этот был не столь возрастной и занимал не такую большую площадь. Но тоже был не юношей по возрасту. Площадки между стволами были обустроены в нескольких местах. Эта была главной и самой большой. Типа зала, где принимались гости. Тут обитатели дерева соорудили небольшой храм, посвящённый Шиве, с его статуэткой. Далее ступенями тянулись вверх следующие площадки, служащие жильём и хозяйственными помещениями. Крона баньяна образовывала что-то вроде крыши-шатра, поэтому тут можно было существовать даже во время страшных летних муссонов, когда дождь представляет собой сплошную стену с видимостью в несколько метров. На одной из площадок стояла унылая корова, а рядом лежал сноп травы, которую она вяло жевала. Вокруг на ветках болтались тряпочные мешки, в которых отвешивался творог из скисшего молока вышеозначенной коровы. Полы во всех помещениях были сделаны из утрамбованной смеси навоза от той самой коровы с той самой травой. Возле храма сидел в позе лотоса немолодой индиец с красными глазами, вокруг него расположилась группа молодёжи с белым, но подзагорелым цветом кожи. Они были непривычно одетыми, лишь некоторые голыми по пояс. С полузакрытыми глазами они что-то читали полушёпотом, по всей видимости, молитву, слова мантра я тогда ещё не знал. Нас они, естественно, заметили, но большого энтузиазма не проявили. Так как занимались серьёзным делом. Когда молитва

закончилась, гуру (или, как нам потом объяснили, называть его принято – баба, с ударением на последний слог, то есть святой человек) взял лежащую перед ним большую глиняную трубку, обмотанную с одного конца грязной тряпкой, приложил её к голове, потом к сердцу. И, наконец, ко рту, задрав голову, чтобы она смотрела в крону баньяна. Тут же молодой парень, сидящий по правую от него руку, в армейских брюках и бандане на голове, чиркнул бензиновой американской армейской «зиппо». Поднёс к верхнему концу трубки, давая прикурить. Наша компания в цивильных шортах стояла немного в стороне, наблюдая эту картину.

- Что принесли? – обратился, наконец, гуру к моему отцу на непривычном для индийца чистейшем английском языке. Видимо, в нём он углядел старшего группы или просто тот стоял ближе всех. Я тем временем начал осваиваться и пошёл к площадке с коровой. Отец непонимающе глянул на Альбукерке. Тот засунул руку в карман брюк и вытащил оттуда спичечный коробок. Он передал его моему папе, жестом показав, что надо отдать странному человеку с красными глазами. Баба раздвинул коробок и вытащил оттуда размером с сам коробок квадратный брусок, напоминающий аюрведическое мыло, только коричневого цвета.

- Вот это по-нашему, по-гоански, – произнёс он, а окружающие одобрительно закивали.

Честно сказать, я не помню уже деталей, происходящего далее, так как больше меня интересовала корова. Возле которой я и провёл всё время, пока взрослые тусовались с группой хиппи. Слышались темпераментные разговоры и осуждение американских действий во Вьетнаме.

Раздавался смех, пахло благовониями и прочим дымом. Появилась гитара и начались песни. Почему то в основном группы «Битлз». Так продолжалось в течение пары часов. Я тем временем покормил корову. И проследовал далее, разглядывая жилище детей-цветов. Похожих площадок с утрамбованным полом из навоза тут было несколько. Они явно служили спальными помещениями, если судить по матрасикам и цветастым одеялам, разбросанным в определённом порядке. Пространство вокруг было облагорожено для создания большего уюта и украшено, насколько это возможно. Тряпочки, ленточки, фотографии различных людей, в том числе и Джона Леннона, а также других известных в те времена музыкантов, пацифистские знаки и индуистская свастика. Всё это хаотично и мило было закреплено среди корней баньяна и перемешивалось в общую кучу. Мне было ужасно интересно. Копаться в этом примерно такой же кайф, как у современного ребёнка, попавшего в магазине ИКЕЯ, в детскую игровую комнату. Только тут всё было гораздо ближе к природе и никакого

пластика. По прошествии времени меня позвали, так как надо было возвращаться в цивилизацию, и сделать это необходимо дотемна. Взрослые пообнимались с лесными жителями на прощание. Оставили им ещё какие-то сувениры в виде денег и сигарет. Потом, довольные, побрели вниз, смеясь и неестественно живо обсуждая новых ярких, но мимолётных знакомых. Когда мы спустились вниз, то набрали с собой запас воды из криницы. Она была чистейшая и очень вкусная. Далее искупались в разных водах двухстороннего пляжа и, проявив чудеса эквилибристики, выбрались к берегу возле посёлка Арамболь. В автобусике часть взрослых уснула, часть обсуждала произошедшее и делилась впечатлениями дня. Удивлялись молодому австралийцу, который играл на гитаре и даже спел несколько слов на русском языке. Поражались залечивающему физические и душевные раны американцу, что ещё полгода назад чуть не погиб во Вьетнаме, видимо, поэтому теперь и стал пацифистом. Много было разговоров на темы, в которых я уже (или ещё) ничего не понимал. Мы проезжали какие-то чахлые деревеньки, то приближаясь близко-близко к воде, то забираясь в дремучие джунгли, когда ветки скребли по бортам машины. Дальше выехали к местности, состоящей из нескольких довольно больших деревень, которая находилась в месте впадения уже знакомой нам реки Чапоры в океан. Местность эта имела умилительное название Моржим. По краям просёлочных дорог были расстелены куски брезента, на которые рыбаки рассыпали свой улов для сушки. Запах стоял невообразимый. Разнообразие будущего аналога нашей воблы тоже воодушевляло. От малюсенькой рыбки и крупных креветок до среднего размера рыбы, похожей на волжскую чехонь. Нам хотели показать самый большой в Индии роддом морских черепах, что располагался на отмели в устье реки. Глянули мы на него мельком, ибо привыкнуть к сладковато-тошнотному запаху сушащихся море продуктов, стоящему над местностью, было невозможно. Мы коротенько отметились на побережье и сразу поспешили к последнему, уходящему на другой берег парому этого дня. А запах рыбы был настолько сильным, что впитался в одежду и не выветривался потом ещё несколько дней. Он ещё ощущался вплоть до того момента, когда дома в Дели мы клали бельё в стиральную машину. Знал ли я тогда, что с этим смешным по названию посёлком Моржим мне придётся увидеться через три десятилетия? Не просто увидеться в качестве туриста, а сродниться. Да так, что в моей жизни он сыграет столь значимую, запоминающуюся роль? Что здесь я проживу, пожалуй, самые счастливые свои пятнадцать лет жизни. При мне вырастут и станут местной знатью маленькие карапузики, потомки диких рыбаков. Что я буду ездить без водительских прав, оставляя их дома, дабы не было риска потерять. Ибо все полицейские начальники - это те самые дети, у родителей которых я покупаю парное молоко. Но всё это будет по прошествии целой эпохи, смены формаций и нескольких

войн на Родине, моего становления, процветания и ухода в конце концов на задворки цивилизации в добровольное дауншифтерство. А пока я дремал на самом заднем сидении микроавтобуса и мечтал, наконец, добраться до нашего мистического номера в крепости с решёткой вместо стекла. За стеной которого измученный узник, возможно, делает подкоп. Поужинать цивильной едой под тарахтение генератора, пыхтящего на военном джипе под стеной. Потом подняться на каменную площадку, что прямо над нашей спальней, откуда видна была полная Луна. Отождествить себя со средневековым защитником цитадели. Наглядеться на яркий диск ночного светила, представляя, что кто-то там может лазить по ней. И, намечтавшись, беспробудно уснуть в келье с коптящей керосинкой, так как в девять часов вечера генератор положено выключать. А припозднившимся во взрослой компании родителям надо тоже как-то добраться до постели при свете этой лампы и не наделав шума, дабы не разбудить ребёнка. Вот это жизнь. А все эти странные голые и условно одетые люди с дымящимися трубками, заумные разговоры о какой-то далёкой войне, о смысле жизни, о предназначении человека, о мистике пространства вокруг нас…. Всё это дурь возомнивших о себе чёрт-те что недалёких взрослых.

Другая запомнившаяся мне поездка была в Кашмир. Конечная цель её - таинственный Ладакх, где по преданию, жили истинные арийцы. Насчитывалось несколько их поселений. Родители обсуждали между собой, будто арийцы эти, в связи с обособленностью своих мест обитания, выродились. Они женились и рожали детей от своих ближайших родственников. Поэтому представляют из себя неких уродцев. Говорили, будто полиция даже привлекает к охране этого заповедника арийцев армию. Чтобы и их не выпускать из зоны, и к ним не пропускать офигевших немецких женщин, которые, дождавшись сезона потепления, когда перевалы освобождаются от снега, пытаются пробраться туда с целью зачать ребёнка от настоящих древнейших арийцев с неиспорченными генами. Я не сильно представлял себе, кто такие арийцы, по причине того, что не посмотрел ещё тогда достаточно фильмов о Великой Отечественной Войне («Семнадцать мгновений весны» ещё не сняли), где они упоминались как «истинные». Но впечатление о них из-за разговоров взрослых складывалось неприятное. Я представлял себе некую резервацию большой площадью, где водятся существа наподобие уже знаменитых тогда снежных людей. Этими я увлекался. А истинные арийцы в моём представлении казались уже некими вампирами-людоедами из лихорадочных слов. Во как могут перемешаться в винегрет представления у ребёнка, когда они складываются из подслушанных у взрослых разговоров. Судя по тому, что эти арийцы творили во время Второй мировой войны, так оно и было. Но никаких снежных человеков наша экспедиция тогда не обнаружила. То ли плохо искали, то ли они уже совсем все выродились. А, может, я был не в курсе, ибо меня не брали в самые

опасные места, а оставляли в гостинице с группой женщин. Помнится, такое происходило: часть нашей компании наслаждалась природой и отдыхала, а часть отправлялась на экскурсии в горы. Ну, да Бог с ними, этими истинными снежными человеками.

Запомнилась поездка прежде всего потому, что там было прохладно, горы всё-таки. Немаловажный фактор в тропиках. Вторая причина заключалась в том, что главной целью являлось мистическое и культовое место, которое мы также собирались посетить. Ну, об этом мне рассказывали взрослые, сам я вряд ли что мог в этом смыслить в свои младые годы. Однако энергетику тех мест я прочувствовал, что называется, на уровне подсознания, то есть всей душой. Оно и немудрено, ведь речь зашла о божественном. Вернее, сыне Божьем Иисусе Христе. Дело было так, как мне потом рассказывали родители: один папин сотрудник и большой друг нашей семьи, мусульманин по вероисповеданию, рассказал, что в штате Кашмир существует могила очень почитаемого в исламе проповедника и учителя по имени Иса, по другой версии его имя Юсуф (есть и ещё транскрипции имени, например, Юза или Асиф). Этот наш друг, которого я звал Чача (на урду означает просто дядя), даже привёл цитату из Корана: ««- Мы убили Христа Иисуса, сына Марии, посланника Аллаха». Однако они не убили его и не распяли его, но так было сделано, чтобы это показалось им. Они все пребывают в сомнении, у них нет об этом никакого знания, а только предположения. Они не убили его. Аллах вознес его к себе. Аллах всемогущ и мудр». Далее он рассказал теорию, по которой Иисус, будучи юношей, побывал в Индии и учился тут много-много лет. Потом вернулся в свои Палестины, где и произошли всем известные библейские события. Но так как он многое постиг из индийских практик, в том числе и по части йоги, то мог регулировать процессы своего организма. Находясь на кресте, он ввёл себя в такое состояние, которое очень похоже на смерть или анабиоз. Поэтому все и поверили, будто он умер. Все, кроме Иосифа, который снял его с Креста. Далее вы в курсе, что случилось. Он вознёсся к Богу, тело исчезло, остался только след на плащанице. А на самом деле он пришёл в себя, окреп после мук на кресте и отправился обратно в Индию, где стал Учителем и Пророком. На родине-то было опасно. У него родились потомки. Умер он в почтенном возрасте, похоронен в городе Розабал. Там существует его гробница. За могилой вот уже почти две тысячи лет ухаживают потомки Исы. Которые с пришествием на землю ислама стали мусульманами. В доказательство в мавзолее хранится покрывало с еврейскими письменами, которым накрывали тело усопшего. А также имеется каменная плита с отпечатками ног святого Пророка. На ней хорошо заметны следы от гвоздей на ступнях. Вот этот рассказ друга нашей семьи и послужил поводом, а также причиной поездки в горный штат. Причём надо было ухитриться побывать в Розабале обязательно тринадцатого числа. Так как именно в эту дату

открывают двери гробницы. И происходит это всего двенадцать раз в год. Исключений не бывает ни для кого. Вот и организовали нашу экспедицию так, чтобы тринадцатого числа мы точно были в указанном городе. У Чачи там жили родственники, уже и не помню, относились ли они к потомкам Асифа. Местные власти, естественно, были поставлены в курс дела относительно нашего прибытия. Они организовали в городе практически военное положение. Дело в том, что эта местность находится на границе с Пакистаном и является спорной территорией. Тревожные места. В своё время англичане, уходя из Индии, воплотили в жизнь англосаксонский национальный принцип – разделяй и властвуй. Некогда большую и целую страну они сумели разделить на несколько уездов и перессорить народы между собой. Это их излюбленный приёмчик, которым они пользовались не одну сотню лет и применяют сейчас. Посему в Кашмире было неспокойно уже не первый десяток лет. По городу ездили военные патрули. А мы тут были первыми иностранцами за последние годы. Поселили нас, конечно же, в самой лучшей гостинице для богатых паломников. Оказывается, поклониться святому Асифу приезжают мусульмане из разных регионов Индии. Для этого существует два варианта. Можно приехать в любой день, подойти к гробнице и заглянуть в небольшое оконце. Через него возможно разглядеть само надгробие, покрытое исторической тряпочкой. К ней добавили в последние годы ещё покрывало. Оно современное, и надписи на нём не имеют отношения к ивриту. Скорее, это язык урду, а, может, даже и арабский (хотя откуда ему тут взяться?). Все эти восклицания и вопросы в пространство я услышал от взрослых, обсуждающих эти серьёзнейшие проблемы мировых религий, стоя возле надгробия как раз тринадцатого числа. Именно в этот день в шесть часов утра, практически на рассвете, старший рода потомков святого открыл помещение. Зная о паломниках из Советского Союза, городские власти ограничили посещение святыни для местных и других приезжих. Время нам назначили как раз на открытие. При этом квартал был оцеплен полицией и военными так, что кроме нас туда и мышь не проскочила. Нам дали ровно час, чтобы потом можно было удовлетворить всех остальных желающих. Как объяснял смотритель, нам позволили зайти внутрь по особому распоряжению муфтия. Причём даже не местного, а связывались с вышестоящим. Дело в том, что вход внутрь мавзолея доступен только правоверным мусульманам. Однако на деле оказалось, что и советским атеистам при желании и административном ресурсе, зайти тоже реально. Хотя атеистами наши люди были только напоказ. Вон как после перестройки все бросились креститься! Как советский октябрёнок, я плохо себе представлял, кто такой Иисус Христос. Тем более, что папа мой был коммунист. Кстати, позже старший брат объяснил, что при всём этом я был крещён, правда втихаря от отца. Да и трудно было избежать этого при живом прадеде, который являлся духовником самого Столыпина. Я слышал мельком о

христианстве и знал, что Христос - это такой Бог в ней. Но что он тут похоронен, мне как- то не казалось удивительным. В детстве такие проблемы настолько далеки, что кажутся мелкими или вообще не существующими. Гораздо больше меня тяготил тот факт, что до этого родители ездили глядеть на йети, которых так и не обнаружили. Вернее, они общались через проводника с каким-то арийцами, а вот были ли те этими самыми йети, я так и не понял. И вот что интересно, вся эта история с посещением могилы святого Исы, которого также называют некоторые Иисусом, вспомнилась мне, когда я наблюдал ролик в ютубе. Тогда, во время нашей специальной операции на востоке бывшей Украины, засняли следующую сцену: двое солдат подходят к церкви на освобождённой от нацистов территории, оба с белыми повязками и буквой Z, как опознавательными знаками российской группировки. Один, мусульманин (явно из кадыровцев, с характерной для чеченцев растительностью на лице), расстилает перед церквушкой коврик и начинает совершать намаз. А другой, похоже православный (лицо славянское), ходит вокруг с автоматом наизготовку и явно охраняет ритуал, совершаемый его товарищем. Вот в этот момент и всплыла в памяти вся описанная выше история. Иисус, мусульманин, православие, ислам, индуизм - какая разница. Все мы ходим, как говорится, под Богом. И называйте его как вам удобнее и ближе по рождению, убеждениям, вкусам, в конце концов. А самое главное, чтобы вы верили во что-нибудь, что несёт пользу людям, лично вам и вашей душе. Аминь!

Примерно через год заканчивалась отцовская командировка в Индию. На тот момент для нашей семьи, в основном для родителей, она была самым знаковым событием в жизни. Хотя, как выяснилось через несколько десятков лет, для меня ещё в большей степени. Мама с папой были тогда в полном расцвете лет, слегка за тридцать. На хорошем счету у начальства, партийные. С перспективой творческого и служебного роста. Поэтому отцу удалось продлить срок командировки почти в два раза. Уезжать он не хотел, но всему есть предел. И тут у его начальника Владимирова случилось несчастье - умерла жена. У неё были большие проблемы со здоровьем. Она почти не выходила на полянку, потому что являлась весьма грузной и ей тяжело было передвигаться на ногах. Обычно индийцы-помощники выводили её во двор и усаживали в большое кресло. Делалось это уже после заката, когда спадала жара. Всё светлое время суток она находилась в помещении под кондиционером. Я помню рассказ отца о том, что, когда семья шефа приехала в Дели после отпуска в Союзе, он встречал их и наблюдал, как пришлось подгонять прямо к трапу самолёта «Мерседес» начальника. Сама жена шефа пройти расстояние до аэровокзала не могла. Мы, дети, из разговоров взрослых слышавшие странный диагноз большой женщины, шептали друг другу на ухо, видя её: у неё нарушенный обмен веществ. Что это такое, мы, конечно, не понимали. Но делились новостью между собой каждый

раз при виде несчастной. Владимиров привёз из Союза на работу своего взрослого сына с молодой женой. Они трепетно ухаживали за мамой. Я наблюдал их состояние, когда она умерла. Помню эти траурные дни в нашем посёлке, когда я первый раз услышал слово кремация. И суету по отправке урны с прахом на Родину. Владимировы уехали в СССР, и на месяц папа стал самым большим начальником всего АПН в Индии. И уже заходила речь о том, что Владимиров не вернётся, а отца оставят вместо него ещё на неопределённый срок. Для меня это было, как приговор о пожизненном сроке. Я жутко хотел в Москву. Мне казалось, что там самая жизнь и, как рассказывал папа после кратковременной отлучки в Союз, там молоко продают в магазине в треугольных бумажных пакетах-пирамидках… фантастика - не то, что тут в примитивных дурацких стеклянных бутылках. Ну, как можно было продолжать жить в этой отсталой стране, на такой жаре, не видя уже много лет снега, да ещё когда там происходили такие чудеса… молоко в бумажных пирамидках? И тут, на моё счастье, в Индию возвращается папин начальник Владимиров. Да к тому же не один, а с новой женой. Кажется, так представили ту женщину, которая была при нём. На самом деле она ему женой не являлась, а лишь подругой, которая решила попробовать, каково это жить за границей в качестве супруги большого начальника. Но, видимо, планы у них были серьёзные, ибо в те времена о моральном облике ответственного загранработника заботились не только партийные, но и прочие компетентные организации. Ведь советский человек за границей являлся лицом страны! От «облика морале» никуда не денешься. Тем более, комедия Гайдая «Бриллиантовая рука» уже год как появилась на экранах СССР. Звали эту женщину Клара Румянова. Она была известной актрисой и только что озвучивала роль зайца в эпохальном мультипликационном фильме «Ну, погоди!». Когда я писал эти строки, то, конечно же, сверялся по датам и деталям с недремлющей Википедией. Ни одного упоминания о том, что Румянова в начале семидесятых бывала в Индии, я не нашёл. Не знаю, почему этот эпизод выпал из её биографии? Могу только предполагать. Возможно, что она посчитала тот шаг неразумным и нигде о нём не упоминала. Я слышал потом от отца, что их союз с Владимировым продлился недолго и был чем-то вроде пробы чувств (или договора). Но банкетик по сему поводу в нашем посёлке они-таки закатили. Я это запомнил потому, что на празднование их воссоединения они привезли из Союза трёхлитровую банку свежей рябины (получается, что это был скорее всего сентябрь, так как рябина была спелой и свежей). Ягоду настаивали на крепком алкоголе, причём сливали и заливали несколько раз, передавая из квартиры в квартиру, в зависимости от ранга сотрудника, дабы вытянуть побольше вкусовых качеств из плодов. Естественно, настоять вторяк досталось папе, а он передал уже своему заму и так далее, по ранжиру. Ведь рябина в Индии не растёт, и вкус Родины у многих выдавливал ностальгическую слезу. Я

пробовал втихаря жевать сморщенные, отработавшие своё хмельные ягоды, и никак не мог понять, чего взрослые в них нашли? Ещё они привезли традиционный в таких ситуациях набор: русскую горчицу в стограммовых стеклянных банках (в индийской кухне используется множество видов семян различной горчицы. Но ни одна из них не может конкурировать с русской по степени жгучести и вкусовым качествам), банки с селёдкой – диски к пулемёту. Ещё был бородинский хлеб, который в конце его свежести порезали на кусочки и сушили на солнце. А я ненароком, проходя мимо, тырил сухарики. Поддон стоял на подоконнике их квартиры, которая располагалась на первом этаже, поэтому можно было легко дотянуться. Приезжающие из СССР, конечно же, не забывали и о шпротах. Всё это присутствовало на банкетном столе по случаю устроенных папиным начальником смотрин своей новой второй половины.

Спустя некоторое время, освоившаяся в тропиках тётя Клара, сварила настоящий русский компот из привезённых с Родины сухофруктов и почему-то поставила его остужаться за входную дверь. Вернее, часть, как потом выяснилось, в литровой бутылке. Вот это была удача! Бутылка оказалась настолько красивой, из-под виски Бурбон (уж в бутылках-то я хорошо разбирался). Она представляла из себя как бы две ёмкости. Одна, собственно бутылка, была закупорена второй маленькой бутылочкой, которая являлась дозатором на пятьдесят грамм. Надо было лишь перевернуть конструкцию кверху ногами, подождать несколько секунд, когда наберётся полный дозатор, потом перевернуть бутылку обратно и раскрыть. Набравшиеся пятьдесят грамм виски оставались в пробке-дозаторе и не выливались через небольшое отверстие в ней. Далее необходимо было тряхануть всё это в стакан. Тогда жидкость выливалась, отмерив необходимое количество. То есть ровно порцию. Такие бутылки были редкостью, штучная вещица. У отца имелась одна похожая. Спускаясь по лестнице, я бросил взгляд на их дверь и сразу заметил добычу. Первая мысль, возникшая в моей голове, когда я увидел бутылку, была, что её выбросили, выставив за дверь. Но внутри была жидкость, причём налитая доверху. По цвету содержимое отличалось от положенного. Налитое было тёплое, темнее и мутнее виски Бурбон. Уж я-то в этом знал толк, наблюдая содержимое папиного бара. Наверное, что-то испортилось и его выкинули, подумалось мне. Но бутылка была очень красивой. Хрустальная, очень дорогая и стоящая вещь, - подумал я. Не пропадать же такому добру. И забрал бутылку. Естественно, решил попробовать, что внутри. Компот, а я впервые пробовал сей напиток, меня не впечатлил. Знать бы ещё, что это был компот, заботливо сваренный известной актрисой для своего нового мужа. Сладенькая тёплая мутная жижка. Естественно, я вылил её на газон и понёс тару домой. Помыл бутылку и поставил к папиному бару сушиться, прямо на виду, чтобы он быстрее её заметил. Я знал, что он любит настаивать что-нибудь на водке (с возрастом у

меня тоже проявились такие наклонности, видимо, передались на генном уровне). Самое забавное, что когда отец пришёл и увидел моё приобретение, он, конечно, начал расспрашивать о его происхождении. Оказалось, что Румянова выглянула проверить, в каком состоянии её компот и обнаружила пропажу. Такого не было в нашем посёлке до сих пор. Она расстроилась и позвонила мужу на работу. Не знаю, о чём они там говорили, но об инциденте скоро узнали все. И тут отец обнаруживает дома пропавшую у шефа вещь, а также виновника происшествия. Я не вспомню слов, сказанных мне, видимо, отец меня, что называется, стебал. Но я сделал вывод, что испортил папе карьеру, украв у его начальника бутылку какой-то сладкой дряни. Но с другой стороны, был в душе даже рад, ведь теперь его точно не оставят на новый срок в надоевшей Индии. И мы, наконец-то, поедем на Родину. А на самом деле всё закончилось тем, что мы с этой бутылкой в моих руках спустились вниз в квартиру Владимировых. Тётя Клара открыла дверь и очень удивилась увиденному. Я честно рассказал о случившемся, утаив только, что попробовал её компот. Сказал, что принял бутылку за мусор. Она пожалела меня, пригласила нас в дом и налила мне большой стакан компота. Оказывается, бутылку она налила мужу в офис. А за дверь поставила, чтобы он её точно заметил. Остальной компот хранился в холодильнике в кастрюле. Мне пришлось, давясь, выпить полный стакан противной жидкости, ведь я был «заграничный» ребёнок, привыкший к кока-коле и фанте! Потом все долго смеялись и решили закончить вечер не только компотом. Так я создал повод для хорошего проведения вечера вполне приятной компании.

Но тётя Клара с Владимировым так и не ужились, как я впоследствии узнал от отца. Она через несколько месяцев уехала в Союз, и он в одиночестве остался управлять корпунктом. Но это уже случилось после того, как мы сами покинули Индию. Папина командировка закончилась.